

ПЕРВЕР

Леонид

Воспоминания
Провинциального
Телевизионщика

Леонид

ПИВЕР

Воспоминания
Провинциального
Телевизионщика

Челябинск
2013

УДК 37(470+571)929

ББК 74.03(2)

П78

Рисунки к книге – Алексей Кондаков-Пивер

Книга воспоминаний старейшего режиссера челябинского ТВ – это отнюдь не только рассказ о становлении и развитии областного телевидения, не только рассказ о профессии. Это яркое, ироничное и трогательное повествование о жизни, какой она была полвека назад и какой остается сегодня. Это осененные мягким авторским юмором и всем опытом пережитого короткие истории минувшего, персонажи которых – наши и автора современники, люди известные и не очень.

Среди героев этой книги: Мстислав Ростропович и Эмиль Гилельс, Александр Ширвиндт и Валерий Ярушин, Юрий Никулин и Евгений Матвеев, Борис Штоколов и Евгений Евстигнеев... Но не только они. Перед тобой, читатель, целый пласт прошлого, живые страницы нашей эпохи.

П78 Пивер Леонид Григорьевич
Воспоминания провинциального телевизионщика. – Челябинск: Издательство Игоря Розина, 2013. – 136 с. (Илл.).

УДК 37(470+571)929

ББК 74.03(2)

ISBN 978-5-903966-30-1

© Текст – Пивер Л.Г., 2013

© Издательство Игоря Розина, 2013

Мрему се шибурнеб, узакан
В.а. Пегелекшиу. Снос
зи полове!

© Гешетке! Свиф

Мемуары пишутся, когда нет
уверенности в том, что удастся
дожить до воспоминаний.

Леонид Пивер

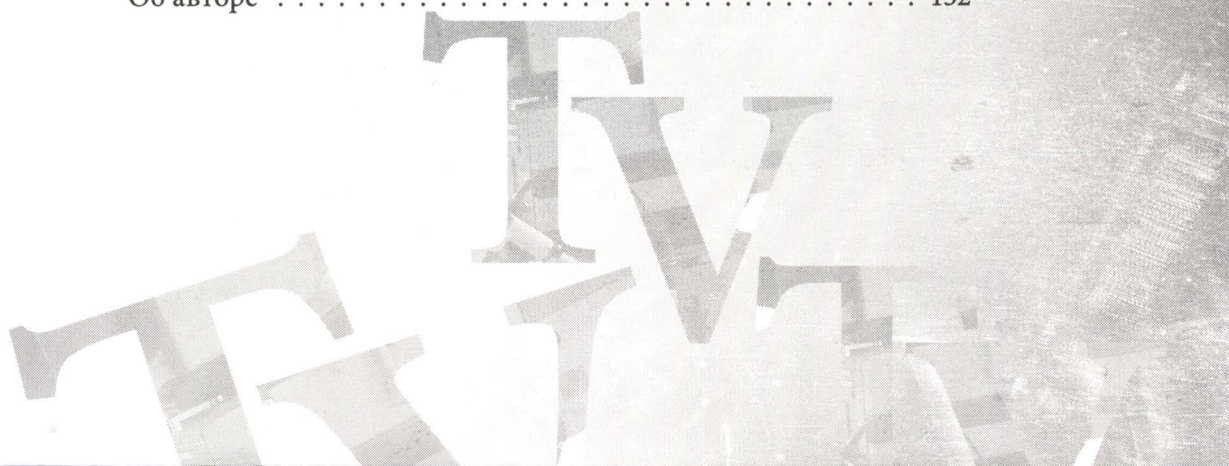
15 июля 2022

Геллов

Содержание

К читателю	7
Просто вступление.	9
«Выковыренные»	15
Ничто не вечно под луной	20
Возьмите меня	24
Знаешь ли ты...	27
В кадре и за кадром	31
Погодин в доме	36
Соло для оператора	39
Международная муха	43
Быстрее света	45
В белых тапках	49
Мравинский в шоколаде	51
Жертва «Холодной войны».	54
Вегетарианец	57

Глас народа	59
Культура и массы.	62
Знаток Станиславского	65
Эй, вратарь, готовься к бою	67
Кумиры на стадионах	72
Лицом к лицу	75
Музыкальный фрагмент	78
Окрошка для имиджа	80
Не трогай!	83
Симфония для канделябра с оркестром	86
«Амати» в студию	91
Тут вошел он	95
Утро туманное	97
За одним столом с Сергеем Эйзенштейном	100
Был ли в вашей семье Шерлок Холмс?	104
С проблемами и без	111
Любимый автограф	117
«Жил был король».....	123
Свет ученья	126
Рука на пульте.	129
Об авторе	132

Итак, начнем...

К читателю

Интересно, до каких пор человек не задумывается о том, что однажды ему придется вспоминать? Есть люди, которые вообще не задумываются. Мы сейчас не о них. Но вот что интересно – на телевизионном канале «Культура» есть передача «Линия жизни». И я знаю тех, кто в ней участвует, и тех, кто ее смотрит. Надо ли этим гордиться или достаточно простой констатации, чтобы дать понять, о ком я собираюсь говорить и для кого?..

Линия жизни... Забавно было бы начертить мою собственную. Прихоть ее извилин не выведет даже самый капризный самописец!.. Я и рассказываю о своей жизни, следуя не прямой, а словно скачками-эпизодами, или, как говорят телевизионщики, – наплывами. Профессиональная память кусочками, фрагментами хранит то, что, будучи собрано монтажером в единое целое, становится биографией.

Но слово «биография» звучит скучно. А моя жизнь, поверьте, скучной не была. Судьба растянула ее настолько, что нет уже многих из тех, кто когда-то внимал моим историям. Нет и тех, о ком я говорил и продолжаю говорить... Сейчас их многие уже не знают. Называю своим студентам фамилии – а в ответ:

– Не знаем, но слышали!

Они – слышали, а я – видел, общался, работал. Так и подмывает сказать – «творил», но чем тогда занимались они – талантливые и выдающиеся, народные и всенародные?.. Это я пытаюсь шутить,

конечно же. Возможно, чувство юмора с годами немножко и при-
тупляется, но жизнь, как оселок, его постоянно правит.

Вот иду недавно мимо знаменитой бани на Краснознаменной...
Замечаю – что-то в ее облике изменилось. У захудалого обшарпанного
здания стали проступать архитектурные приметы. Эпоху назвать
сложно, но стиль чувствуется. В чем дело? Присмотрелся вниматель-
нее – нашей бани коснулся технический прогресс: ее облицевали
САЙДИНГОМ! Правда, покурить и охладиться посетители, как
встарь, выходят на улицу.

На обратном пути я обратил внимание на объявление – шедевр
научно-технической революции! Бумага формата А-3, отпечатано
на принтере, номер сотового телефона – одиннадцать цифр!.. Даже
пахнет свежезаправленным картриджем. И текст:

– Продается КОТЕЖД у пруда!

Какая романтика! Выходишь из «котейда», вдыхаешь свежий
воздух и – в ПУРД!

Конечно, это объявление, его оформление говорило об успехах
технической революции, но вот культурная революция тут подот-
стала... Это мне напомнило ситуацию полувекковой давности, когда
мы, молодые, необученные творческие работники, пришли на теле-
видение, где царил техника, пользоваться которой мы толком не
умели, и нам предстояло вдохнуть в нее жизнь, вложить душу. Я до
сих пор благодарен молодым тогда инженерам-техникам, которые
учили нас работать с аппаратурой, дабы сделанное нами не упо-
доблялось «котейду». Что было вполне вероятно, потому что наш
технический уровень в то время оставался на уровне понимания
слова «полупроводник» – для многих из нас это был один проводник
на два железнодорожных вагона...

Просто вступление

Давным-давно на вопрос:

– В каком году вы родились?

Я отвечал:

– Спустя десять лет после залпа крейсера «Аврора».

Мне казалось, что таким образом вписываю себя в историю страны.

Шли годы.

– Какой еще залп? – стали возникать мысли. – Всего-то один выстрел!.. Да и в истории страны, как выяснилось, столько всего неопределенного...

Бежали годы. О дате рождения меня стали спрашивать реже. Но думать о ней я стал чаще. Что такое история страны? Я работаю на телевидении и знаю, как эта история пишется. Вот всемирная история – другое дело! Особенно всемирная история искусства.

Теперь на коварный вопрос любой анкеты я отвечаю:

– Родился в тот год, когда «великий немой» заговорил!

Да, именно в 1927 году вышел первый звуковой фильм! Просто так совпало. Но теперь мне кажется, будто это не было простым совпадением.

Я с детства знал... Нет, даже не знал – какие уж там знания в малолетнем возрасте! Хотя, с другой стороны, в детстве нас переполняют такие знания, о которых в зрелом возрасте лучше забыть. В общем, я предчувствовал, что моя жизнь будет связана с искусством, театром.

Хорошо помню довоенную школу в родном Артемовске на Украине. И хотя школа носила имя великого русского писателя Максима Горького, преподавание велось на украинском языке. Зато в другой школе – имени Тимирязева – учили на русском. Я до сих пор не знаю, почему так договорились Климент Аркадьевич и Алексей Максимович. Но учеником третьего класса я пришел в драматический кружок. Кружковцы ставили пьесу «Юный Тарасик», посвященную Шевченко. Нет, не знаменитому футболисту украинской сборной, как может подумать молодежь, а светочу украинской поэзии Тарасу Шевченко. Ну, я думал, что придется делать что-то малозаметное, незначительное... А меня назначили на главную роль – самого Тарасика Григорьевича Шевченко! Я и сейчас-то похож на кобзаря только отчеством, а уж в детстве...

Я говорю:

– Вы шо!

И аргументирую на суржике – причудливой смеси украинского и русского языков. Мне казалось, так поймут и те, кто ходит «на Горького», и те, кто протирает штаны «в Тимирязеве».

А они на том же диалекте, чтобы понял я:

– Пивер, да вы шо! У вас такой голос хороший!

Так началась моя театральная карьера. И мне до сих пор жаль, что Ленина маленьким изображали часто, а Шевченко-малыша – редко. Ведь какая «модель» в Артемовске была!..

А потом мое театральное детство прервала война. И наступила смена декораций. И смена жизненных реалий тоже.

Наша семья эвакуировалась в Челябинск. Честно говоря, про этот город тогда мало кто знал. Но именно Челябинск спас тысячи, сотни тысяч людей. И меня тоже. Я хорошо помню гостиницу «Южный Урал», которая тогда была единственной. Помню заполненные людьми коридоры, номера, коптящие примусы... Хотя, возможно, все это лучше забыть. Но доброта, человеческое участие – не забываются.

Впрочем, военная година слишком грустна для того, чтобы занять значительное место в книге, которую так хочется сделать веселой. Возможно, когда-нибудь, став «зрелым писателем», я напишу и о тех суровых годах...

А пока дозреваю, могу сообщить, что в пятьдесят седьмом году, как шутят дикторы, прошлого столетия, я уже состоял внештатным фотокорреспондентом областной газеты «Сталинская смена». Довелось мне поработать фотографом и в Челябинском медицинском

институте, где я дружил с будущим «ожоговым Елизаровым» Романом Лившицом, тогда студентом. Ему еще предстояло стать спасителем для сотен пострадавших в Ашинской трагедии.

И вот, будучи на юге, я услышал, будто в Челябинске открывается телевизионная студия. Надо отметить, что со времен театрального дебюта уверенности у меня прибавилось. И я помчался домой, в Челябинск.

Первая передача новой студии вышла в эфир 17 июля 1958 года. Именно в этот день в моей трудовой книжке появилась заветная запись. И счастье не омрачало даже то, что я, за неимением штатной единицы осветителя, был принят на работу столяром. Первый месяц я «светил». На втором – дорос до оператора, еще через два – до старшего. В общем, за неполный год я стал... Нет, не директором, – режиссером! И дело не в моих уникальных способностях – просто других специалистов не было.

Так началась моя трудная, нервная, прекрасная и радостная жизнь. Двадцать лет я работал в прямом эфире, и почти все мои воспоминания связаны со временем, когда программы еще не записывались заранее, когда слово действительно было воробьем, не знавшим клеток монтажа.

Для меня, телевизионного режиссера, это была эпоха почти театральных ощущений. Я дышал одним дыханием со зрителем, и если нажатием кнопки на пульте показывал актера, то знал: в этот момент вместе со мной, оператором, актером дышит зритель.

Это было время торжествующего шествия телевидения. По всей стране в больших городах уже повсюду на крыши водрузили антенны, нацеленные на Москву, поскольку других каналов, кроме центрального, не было. Желаящие ощутить, что такое один канал, могут посмотреть в окно. Двух-трех часов будет достаточно!.. Местное телевидение, образно говоря, выходило в форточку: вставками между московскими программами. Но нас смотрели! Бывало, разъезжая в командировках по уральской глубинке, где-то в степи, мы замечали одиноко стоящие небогатые избушки, на которых гордо топорщились усы антенн. И в такие минуты я понимал: для этих людей, которые не нашли денег, чтобы починить забор, но зато приобрели телевизор, делать плохие программы просто нельзя. Ради этих географических отшельников, жадно впитывающих новости, интервью, концерты, спектакли, мы и работали.

А потом прогресс вызвал к жизни телевизионную запись. И, как

мне кажется, на этом то телевидение, о котором я так люблю вспоминать, закончилось.

Когда-то суфлеры были на театре. Теперь и там их нет: спасители нерадивых актеров ушли на телевидение, став электронными шпаргалками. Поэтому телеведущие, дикторы резко поумнели. Правда, вещают телезвезды не своим языком. И зритель никогда не знает, что они по-настоящему собой представляют, став заложниками пресловутого имиджа. Всегда ощущается, если человек говорит по написанному. В кино можно обмануть, и в театре можно, хотя труднее, а на телевидении нельзя: глаза выдают человека. Телевидение – искусство крупного плана. Поэтому мне нравится старая шутка. Телевизионного оператора спрашивают:

– Почему в театр не ходишь?

– Ну его, – отвечает оператор. – Там все идет общим планом!

Для меня телевидение – это чудо. То, что с нами произошло, это телевидение. Да простит меня Юрий Левитанский, написавший «Жизнь моя – кинематограф». Моя жизнь – телевидение. И телевидение – это жизнь...

Кино – попытка прожить чужую жизнь. А чужая жизнь – словно чужое пальто. Много случается забавного, если надеть по ошибке.

Впрочем, на телевидении, в режиме прямого эфира, ошибок тоже было достаточно. Ляп, глупость моментально долетали до сотен тысяч зрителей. И мы, телевизионщики, сразу поняли: наша работа, прежде всего, ответственная, а уже потом захватывающая, интересная, веселая... Сейчас даже трудно определить: помогало мне остро развитое чувство опасности или мешало. Бывало, тороплюсь на работу. Казалось бы, – понедельник, начало недели, вроде бы все нормально. Но внутренний голос зудит:

– Неприятность будет!

Перебираю в памяти все, что было накануне... Чист! Начинается редакционная летучка... И – вот оно!

– А Пивер сказал...

Конечно, приятно, когда тебя цитируют, но не в такой ситуации! И внутренний голос радуется:

– Я предупреждал! Неприятность!

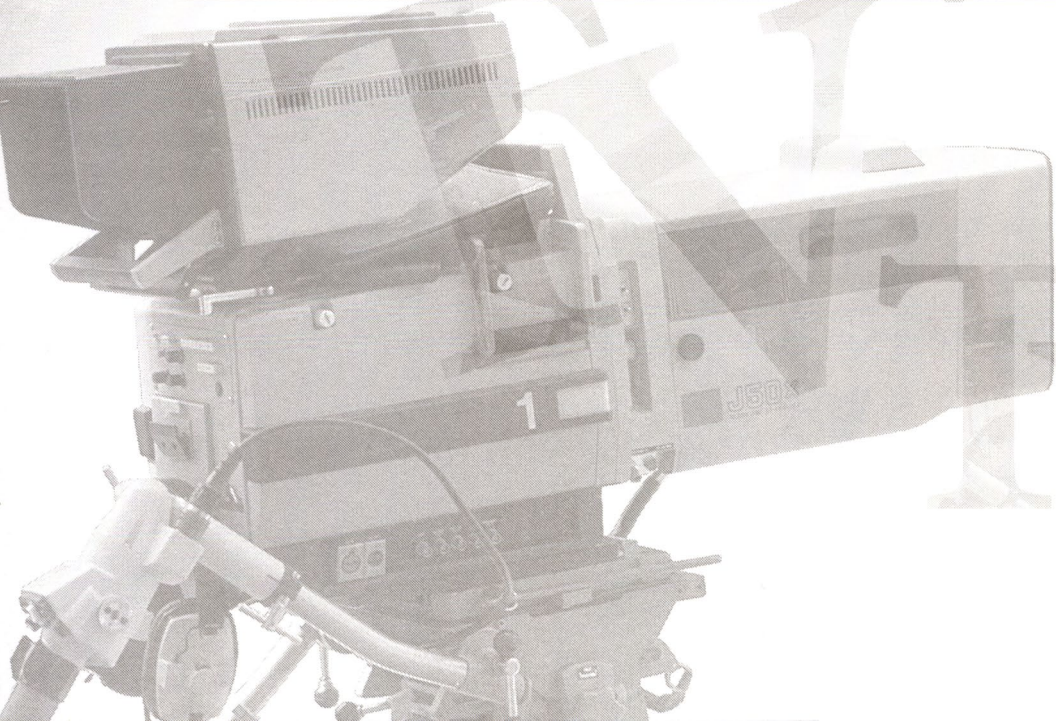
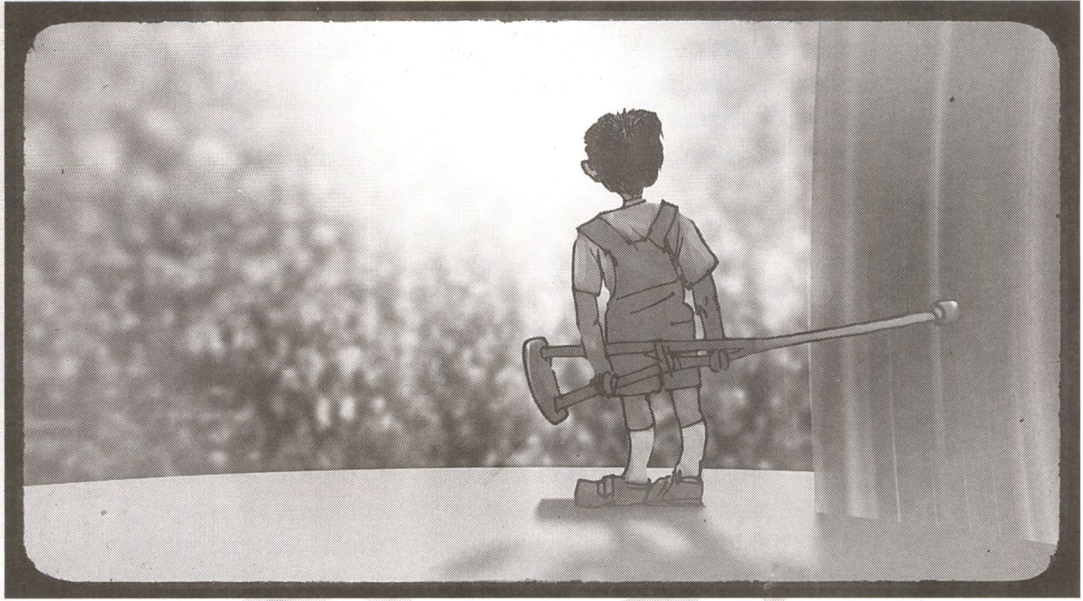
Да, неприятностей на студии было почти столько же, сколько приятностей. Бывало, от неприятностей приходилось увертываться, как от пуль.

Поэтому можно сказать: иду в атаку на книгу. Буду стараться

рассказать все, как оно было. Мне бесконечно дороги те годы, когда экраны были голубыми, но никто не усматривал в этом ничего плохого. Великие сатирики Ильф и Петров были уверены в том, что природа отпускает человеку определенное количество юмора. Благодаря многолетней серьезности мне удалось растянуть отпущенное до сегодняшнего дня. Не зря же «котезд» меня вдохновил!

И если когда-нибудь у этой книги появится продолжение, назову его «Вдохновленный „котездом“». Пусть никто не упрекнет автора в отсутствии фантазии: это будет совсем другой КОТЕЖД. Реформа школьного образования внушает надежду!

«Выверенные»

Последнее время я особенно ясно понимаю: моя жизнь делится на дотелевизионную и всю последующую. Но если своими телевизионными историями я делился довольно часто, то все, о чем пойдет речь далее, можно предварить репликой:

– Исполняется впервые!

Наверное, все описываемое покажется некоторым читателям мелким, незначительным. Действительно, даже живя в интересное время, можно оставаться до неприличия скучным человеком. Но мне всегда было интересно жить! И, вероятно, кому-то будет интересно узнать, как жили тогда.

Я не призываю непременно одолеть эту главу. Наоборот: не обижусь, если читатель решит перепрыгнуть через мои детство и юность. Во-первых, я же телевизионщик: сколько раз сам нетерпеливо переключал каналы, игнорируя экранную серость и тягомотину. А во-вторых, приятно будет сразу предстать перед читателем умудренным, зрелым человеком в возрасте под тридцать.

Итак, нулевую возрастную отметку я преодолел в донбасском городке Артемовске, который незадолго до моего рождения был известен в истории как Бахмут. В отличие от Бахмута, Артемовск – звучало гордо, хотя население составляло всего-то тысяч сорок. И не обязательно было знать, что городок получил имя героического революционе-

Григорий Пивер (отец)

ра, товарища Артема. Поскольку и без революционной привязки Бахмут пользовался известностью благодаря запасам сверхстратегического сырья – соли. Даже украинский поэт И.П. Котляревский в своей «Энеиде» упоминал соль-бахмутку, которую чумаки везли по шляху.

Сейчас, спустя десятки лет, я вспоминаю Артемовск теплым, уютным местом, где мне было очень хорошо. Но это результат волшебного свойства памяти, которая, словно реклама, подсовывает только лучшее. И где-то в

глубине сознания, стараясь не возникать на поверхности, прячется самое страшное, что было тогда: голодомор. Мы жили в городе, и, возможно, поэтому спаслись. Но в тогдашних газетах об этом не писали. Да и я бы по малости лет вряд ли понял, что происходит. Хотя что такое голод, мне было понятно. Никогда не забуду, как в магазинах исчезли очереди за хлебом: это значило, что голод закончился. Тогда казалось — навсегда! Увы, в детстве так же легко ошибаешься в прогнозах, как и в зрелости.

Но в одном я не ошибаюсь: мои родители были людьми музыкальными. Я помню, как мама пела на местном радио. Она пела замечательно, особенно любя украинские песни – лиричные, мелодичные, красивые, исполняя их на языке оригинала. Вторым иностранным языком, который знала мама, был идиш. Причем последним мама владела хуже. Я до сих пор помню этот бесконечно родной голос... Жаль, что на публику пела мама недолго: за мое появление на свет она впоследствии заплатила потерей слуха, стала плохо слышать даже себя. Во время пения мама заглядывала нам в глаза:

– Чисто ли я пою? – читалось во взгляде.

И мы так же взглядами отвечали:

– Все правильно, дорогая!

И более счастливого человека, чем мама, в эти минуты не было.

Потом был роковой сороковой – финская война. Мне уже стукну-

ло тринадцать. И мы с друзьями-школьниками организовали ансамбль, агитбригаду, выступавшую в госпиталях. Музыкальное сопровождение обеспечивала учительница пения. У меня был сольный номер. Я брал костыль, прищуривал глаза и исполнял песенку про японского самурая Микадо на мотив «Все хорошо, прекрасная маркиза...». Она была очень популярна тогда, ее пели Леонид Утесов с дочерью. (Это мой самый любимый певец с первого дня моей жизни и до последнего, я думаю). У раненых мой номер имел успех.

Мария Пивер (мама)

Потом грянула Великая Отечественная. Нашу сценическую площадку – госпиталь – эвакуировали. Эвакуировались и мы. Семья уезжала зимой, с последним эшелонам, уже потеряв надежду выбраться из того кошмара.

Ехали в открытом грузовом вагоне, еще пахнущем углем, без крыши, мерзли страшно. Ехали – сказано слишком громко: тащились, простаивая то час, то сутки на полустанках. Однажды нам повезло: на одной из остановок, на месте брошенного цирка шапито мы нашли ковер. Он был таким старым, грязным и пыльным, как будто с него начиналось древнее цирковое искусство... Мы притащили бывшее манежное покрытие, чтобы накрыть верх вагона. Наутро мы впервые проснулись, не покрытые выпавшим за ночь снегом.

Случались по дороге и другие удачи. Как-то наш состав остановился возле разбомбленного эшелона. На одной из уцелевших платформ «красовался» разбитый самолет У-2. Это потом мы узнали, что его называли «небесным тихоходом». Мы, мальчишки, не могли удержаться, чтобы не заглянуть внутрь. Заглядывали со страхом: вдруг там оружие, трупы... А оказалась – бочка с солеными огурцами, вкусными, аппетитными! Целый день из нашего вагона доносился характерный хруст. А после соленого всех одолела одна, но пламенная страсть: поскорее добраться не до пункта назначения, а до первой водокачки...

Я уже говорил, как благодарен Челябинску за предоставленные в

Старый Артемовск

военную годину кров, тепло, возможность найти работу. Местные жители называли нас «выковыренными» – так легче было произносить слово «эвакуированные». Ради ежедневных семисот граммов хлеба я устроился на располагавшийся неподалеку деревообрабатывающий комбинат. Меня поставили на циркульную пилу нарезать вагонку – планку специфической формы. Пилил я хорошо, выполняя норму, совершенствуя профессиональное мастерство. Однажды мы с приятелем решили смастерить деревянный чемодан. Мы решились на эту затею потому, что растущим организмам непрерывно хотелось есть, а будущую «носильную вещь» предполагалось обменять на продукты. Благо, мой столярный уровень позволял сделать все заготовки. И вот, привычно выпиливая доску, я машинально подвожу ее к самой кромке бешено вращающегося диска и по уже сформировавшейся привычке собираюсь перейти на другую сторону распила, безопасно перехватив изделие, как вдруг приятель окликает:

– Ленья!

Я оборачиваюсь на голос, и... рука попадает в циркулярку... Как только не потерял сознание – не знаю! Это было жутко: моя до боли знакомая конечность – и уже не моя. Все вокруг переполошились: меня буквально закинули в подвернувшийся грузовик, доставили в привокзальный госпиталь.

И там я услышал:

– Ампутация!

– Какая ампутация! – завопил я. – Это же моя рука! Она еще держится!

Подшли студенты-практиканты и с молодой бесшабашностью сделали то, что некогда было делать профессиональным хирургам. Каждый оставлял на мне по шву, связывая мои сухожилия... Жаль, я не запомнил, как звали этих виртуозов художественной штопки. Зато на всю жизнь запомнил лицо санитарки, которая дала мне кровь.

Спустя какое-то время врачи вручили мне маленький резиновый мячик, сказав:

– Если хочешь сохранить руку, надо разрабатывать!

Я взял мячик и, катая его в кармане, целый год терпел насмешки окружающих. Зато рука осталась при мне! Правда, уже в иной степени трудоспособности. Я так наловчился ее прятать, что знакомые даже не замечали потерю. Но ведро воды из колодца я приносил с гордостью!

И когда услышал, что надо оформлять инвалидность, не поверил:

– Какой инвалид?! Мне пятнадцать лет!

И постарался забыть о несчастном случае.

А приятель-одногодок, свидетель моего «тылового» ранения Сергей погиб в 1945 году в Берлине... Вечная ему память.

Моя семья. Слева направо: Мира (сестра), Григорий Леонтьевич (отец), Мария Ильинична (мама) и я. Артемовск. 1930

Ничто не вечно под луной

Сейчас я буду говорить о юге. Но разве бывшему советскому человеку надо говорить о юге! Юг был годовой мечтой миллионов строителей социализма. Сочи, Лазаревское – паролем, рубиконом, пересечение которого дарило раскованность, свободу нам, привыкшим к «трудовым десантам», «встречным планам», субботникам... Юг был для нас тем, чем сейчас стала турецкая Анталия, но уже для другой категории сограждан.

Эта история, о которой я хочу рассказать, носит почти мистический характер. При другом исходе события, дорогой читатель, ты бы не имел счастья проследить дальнейшую судьбу автора...

На турбазе в Лазаревском я водил экскурсии, был физруком, фотографом... Это было настоящей школой жизни. Сколько приезжало интереснейших людей со всей страны! Лазаревское словно становилось пригородом Москвы, Ленинграда, Киева...

Однажды я был дежурным по турбазе. Турбаза была настоящей: на месте нынешних коттеджей и высоток трепыхались брезентовые палатки с неприлично задранными по причине жары пологам. И электричество, между прочим, выключали ровно в

«Черное море мое...» (море слева). 1953

полночь: не для того, чтобы сберечь здоровье туристов, а просто иначе бы дизель-генератор не выдержал нагрузки. И вот, слегка игнорируя должностные обязанности, я приглашаю симпатичную девушку посидеть на берегу в строгих рамках романтического свидания. Море шумит, я пою... И до того замечательной показалась жизнь в этот момент, что я, усугубляя произведенное на девушку впечатление, разбежался и поплыл, да так быстро, мощно, что повышенное внимание дамы мне было наверняка обеспечено. Плыву-плыву, воображая, какое впечатление мой кроль производит на оставшуюся на берегу красавицу... Внезапно вспоминаю про берег, оглядываюсь... И вздрагиваю: луна затянута, звезд не видно, тьма кромешная. И только вдали мерцают огни турбазы... Значит, чтобы вернуться, надо плыть на огни. Сориентировавшись, делаю несколько гребков, и... тут фонари надежды гаснут. Это исполнительный дизелист вырубил движок. Убежден: Золушке в знаменательную полночь было легче – она знала, куда бежать. А тут – никаких ориентиров. Сколько хороших песен спето о море. В этот момент я возненавидел их все. Повсюду, насколько позволял оценить беспросветный мрак, кромешная водная гладь. Плыву и думаю цитатой из классика:

– Куда ж нам плыть?.. Что делать?..

В подкорке – только паника. Я даже не могу сообразить, где нахожусь... А волна уже совсем не романтического порядка.

И когда я своими словами уже начал прощаться с жизнью, вдруг увидел поезд.

Мой спаситель, малюсенький, как детская игрушка, неторопливо пробирался побережьем, его окна приветливо светились... Я резво направился в сторону обозначившегося берега. Но едва успел сделать десяток гребков, как поезд зашел за мыс, и снова стало темно. Я продолжал плыть в интуитивно выбранном направлении, пытаюсь ногами нащупать что-нибудь твердое, теряя от каждой новой неудачи этих судорожных попыток последние силы.

– Следующая электричка в четыре утра, – булькает в такт волне мысль...

И вдруг зажигается свет, загораются огни, я вижу большую лестницу, бегущих людей... Из последних сил подгребаю туда...

И вот – сцена, достойная самого великого режиссера. Экскурсоводы, массовики, физруки слетают к морю по лестнице. Их по-южному безмятежные лица выражают забытое состояние озабоченности! И я этаким Ихтиандром возникаю из воды... Но Ихтиандр являлся миру в чешуе, а я – в мокрых, не самого последнего пляжного фасона трусах, облепивших мое совсем уже не героическое тело.

Но я был счастлив.

А когда немного отдышался, узнал, что моя спутница, прождав своего «человека-амфибию» больше часа, подняла тревогу.

В другой стране я бы утонул, и нечего было бы вспоминать.

ТВ

TRIV

Возьмите меня

Я уже говорил, что с детства предчувствовал свою судьбу и, узнав об открытии в Челябинске местного телевидения, сразу понял: новое средство массовой информации, пропаганды и агитации без меня не обойдется. Точнее, я внезапно понял, что без телевидения не проживу. Я до сих пор считаю, что слово «телевидение» должно писаться с большой буквы. А у меня даже и образования-то специального не было...

Если бы я только предвидел, сколько надо уметь и знать, какими способностями обладать, чтобы быть телевизионщиком, я бы до сих пор водил экскурсии в Мамедово ущелье, рассказывая печальные истории о несчастной любви, благодаря которой образовывались водопады.

Из того, сколько внимания я уделяю именно моменту встречи с телевидением, можно понять всю значимость для меня этой цепочки событий. Конспективно суть моего «телевизионного облучения» уже излагалась в преамбуле. Но история – как корабль, который, бороздя океан памяти, обрастает ракушками подробностей.

В 1957 году я вернулся в Челябинск. Отправился в дирекцию создаваемой студии, которая дислоцировалась на главпочтамте. Нашел своего бывшего шефа Владимира Николаевича Малахова, бывшего редактора газеты «Комсомольская смена», где я совсем немного поработал внештатным фотокором:

*Владимир Николаевич Малахов,
первый директор Челябинской
студии телевидения*

– Владимир Николаевич, возьмите меня!

Малахов – честно:

– Ну, не знаю, старик...

– Я могу просто помогать, – не терял я надежду.

– Ну, помогай! – благословил меня он.

А в это время приехал столичный театр с известными актерами. Как водится, популярных артистов пригласили в студию. Человек семь пришло, так ска-

зать, на примерку, когда согласовывалась тематика, хронометраж вечернего эфира. Они ушли, и тут наш первый главный режиссер Сергей Алексеевич Аверкиев спохватился:

– Свет в студии забыли поставить.

А актеров уже не вернуть.

– Леонид, сядь, на тебя свет поставим, – сказали мне.

Я поочередно садился на места, которые по плану должны были занимать знаменитости. Но просто сидеть под прожекторами было скучно, и я, дурачась, пародировал москвичей. На чье место садился, того и пародировал. Студийные смеялись.

Потом, когда установка света закончилась, Аверкиев пригласил меня к себе и сказал, наверное, самую главную фразу в моей жизни:

– Мы возьмем тебя... столяром!

Возможно, так проще было пройти кадровый барьер: ведь у меня в трудовой была запись «культработник», или, как тогда писали в газетах об этой профессии, – «мастер хорошего настроения».

– Но работать будешь осветителем, – успокоил меня Аверкиев.

А времена были такие, что даже

Лазаревское, 1956

кандидатуру столяра на мощном средстве массовой пропаганды и агитации должен был утверждать идеологический отдел обкома партии.

И вот трое кандидатов на зачисление в штат студии предстали перед пронзительным взором заведующей отделом пропаганды обкома партии. Наверное, я не совсем соответствовал представлению партийной дамы о типичном столяре. Потому что, когда мы вышли из кабинета, Малахов почувствовал возможные проблемы и говорит:

– Послушай, Пивер, усы надо сбрить...

А надо сказать, в то время у меня были усы, которые, в общем-то, девушкам нравились. А сбривать свое достояние только потому, что это не понравилось лишь одной, – нелепо. Так я и сказал Малахову.

– Пивер, выбирай: усы или студия! – посуровел Владимир Николаевич.

Как вы думаете, дорогой читатель, что я выбрал?

С тех пор хожу безусым. А значит, готовым к зачислению в штат телевизионной студии!

Вскоре наступил июль 1958 года...

Знаешь ли ты...

Я долго думал, с чего же начать. Всю жизнь. Возможно, этим и отличаюсь от многих, идущих с годами к финалу. Я всегда шел к началу. К началу воспоминаний. А в мемуарах очень важно именно правильно начать. Мемуарист – словно прыгун с трамплина: ошибся в разгоне – в полете уже не исправить. Но если у спортсмена есть еще попытки, то «простому смертному» «жизнь дается один раз», как сказал классик, и прожить ее – надо. Поэтому начну о пережитом.

Мы тогда еще работали в малой студии. Собственно, это она позднее стала малой. А на тот момент была просто единственной. И однажды небольшое студийное пространство заполнила атмосфера революционной пьесы – одной из наших постановок. В спектакле была занята прекрасная актриса Челябинского драматического театра Людмила Аринина. Теперь-то ее знает вся страна по фильмам «Любимая женщина механика Гаврилова», «На всю оставшуюся жизнь», «Учитель пения» и еще по доброй полусотне ролей в отечественном кинематографе. А тогда Людмила Михайловна играла санитарку – возможно, репетировала своих будущих киномедиков.

Впрочем, это лирика. А передать хотелось бы романтику гражданской войны. В кадре – заставка, на которой тяжелые, тревожные облака. И надпись рубленным шрифтом: «Шел 1919 год...» А мы-то уже в кино насмотрелись, что такое революционная стихия. Музыка по-

Людмила Аринина

Мне кричат:

– Скажи, чтобы не кашляли!

А как сказать? Микрофон включен, я – оператор, стою за камерой... Показал кулак – помощник реагирует, как нормальный курильщик на предупреждение Минздрава. И тогда настает звездный час Людмилы Михайловны. Она, пытаясь мне помочь, делает такой жест рукой, который в сочетании с ее сумкой, напоминавшей больше нищенскую, а не санитарную, можно было трактовать вполне однозначно:

– Подайте на пропитание...

И тут в студии раздался смех, заглушивший кашель. Но пьеса – революционная! А смех на революционную тему был чреват последствиями. Так что надо отдать должное нашим зрителям, – они проявили полную идеологическую несознательность: ни одного письма, ни одной жалобы на нашу трансляцию ни в высокие, ни в низкие инстанции не поступило! Зрители любили свое телевидение, прощая ему всё.

Я не знаю, помнит ли этот эпизод Людмила Михайловна, но я помню, как спустя много лет, уже став известной актрисой, она сказала:

– Лёночка, у вас я научилась работать так, чтобы камера меня любила.

добрали соответствующую, благо звукорежиссеры были опытные. Но действия-то в кадре нет. А действия хочется! Из нас уже тогда экшн так и пер... Но какой экшн при тогдашних технических возможностях!.. И тут меня озарила первая режиссерская находка.

– Вот тебе сигарета, – сказал я помощнику режиссера, – пускай в кадр дым. А музыка все передаст. Шостакович все-таки...

И вот включили камеры, пошла музыка... Помощник пускает дым... Сплошной экшн! И тут наш курильщик закашлял – это была его первая сигарета в жизни. Кашель устремился в эфир. А трансляция-то прямая!

И да простят мне нескромность, но я горжусь, что эта камера была телевизионной!

Еще вспоминается самое начало работы в большой студии. Тогда в Челябинск приехал замечательный театр музыкальной комедии из Свердловска. Блистательные актеры, интереснейший репертуар. Решено было выдать в эфир один из гастрольных спектаклей – оперетту И. Кальмана «Сильва». Соорудили декорацию. И вот трансляция. Прямой эфир. Никакой записи. Никаких дублей. Все набело. Работают аж два оператора! Между прочим, их работа была намного трудней, чем у нынешних. Сравнить тогдашнюю камеру и современную – все равно, что поставить рядом рацию и мобильный телефон. Профессионалы поймут: сейчас один варио-объектив заменяет четыре. А у прежних телекамер нужно было поворачивать барабан, как в револьвере, по мере необходимости меняя объектив. Но разве тогда думалось о технических сложностях?! Душа так и пела:

– Мы молоды, горим желанием творчества! Черно-белое телевидение кажется цветным! Какие актеры снимаются у нас! И среди всей этой художественной эйфории существую я, несказанно гордый тем, что, будучи новичком, все знаю и понимаю в телевизионной кухне!

И вот, ко мне подходит известнейший комик:

– Молодой человек, вы хорошо знаете телевидение?

Я пробую смутиться:

– Не очень...

А сам демонстрирую эрудицию:

– Это у нас первый этаж, здесь – студия, а наверху – пульт, там сидит режиссер, там – стойки с аппаратурой.

Артист понимающе кивает:

– Умница! Но я не это имел в виду. Где тут у вас туалет?

Ирина Пешкова

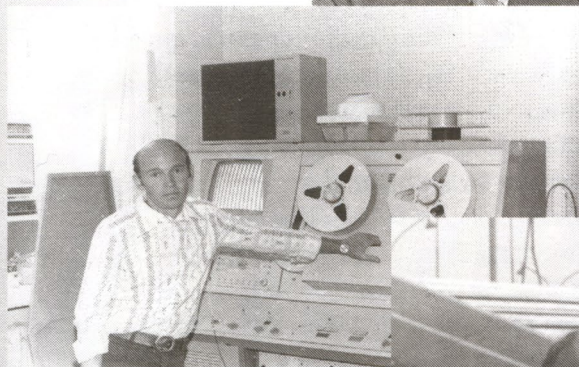
Наталья Гордиенко

Александр Громов

Василий Платонов

Борис Чичилов

На стадионе. Слева направо Леонид Пивер, Влад Кузьмин, Игорь Бузуев. Магнитогорск, август 1978. Фото В. Маранджана

Леонид Оболенский, Людмила Лисицкая и Изольда Троссман

В кадре и за кадром

К счастью для телезрителей, специфику работы на телевидении знают только те, кто в нее окунулся. Для «неокунувшихся» можно привести пример. Вот, отечественные спортсмены после очередной провальной гонки оправдываются:

– Мы выложились на сто процентов, но лыжи не катили!

Мол, господа болельщики, делайте вывод: сервис-команда подвела!

Так и на телевидении: достойный результат возможен только при полной творческой, эмоциональной, профессиональной, физической отдаче всех, занятых в подготовке и выпуске программы. Вот представьте, заканчиваются, допустим, вечерние новости и диктор объявляет:

– В том, что вы ничего не поняли, я не виновата: корреспондент прислал обратительный текст, редактор исправил его корявым почерком прямо на суфлере, а оператор меня терпеть не может и потому не наводил на резкость...

За свою продолжительную творческую карьеру я неоднократно убеждался: каждый член телевизионной команды важен для результата. Популярный на заре социализма лозунг «Кадры решают всё!»

Н.А. Медведев

*И. Кислицына, Р. Эйленкриг
и Л. Пивер*

ли нам, что полупроводник – не один проводник на два железно-дорожных вагона, как думали мы. Вспоминаю молодую красивую Ирину Пешкову, ее мужа, двухметрового гиганта Юру Татарина. Под стать Юре был и его друг – Виталий Заикин. Кроме отличных инженерных познаний ребят отличала – а со мной объединяла! – любовь к джазу. Вообразите трио: в центре – я, по бокам – парни баскетбольного роста... И в таком составе шагая по студийным коридорам, мы напеваем популярный джазовый стандарт.

Менялось техническое оснащение студии, менялись и представители творческих профессий. Вместо поколения «неудавшихся» педагогов, театральных режиссеров стали приходиться образованные, грамотные люди. Одной из первых когорту студийных интеллектуалов пополнила Изольда Троссман, спокойная, уравновешенная, веселая. Изольда рассказывала, что, когда она училась в Ленинграде, слушала, как молодой Иосиф Бродский читает стихи, – будущий Нобелевский лауреат имел привычку наведываться в студенческое общежитие. Потом появилась подруга Изольды – Эмма Даммер. Пришел очень хороший оператор Гена Кононов. Он оказался человеком киношным, тонко чувствующим природу. Поработал у нас и Володя Дьяконов, позже ставший известным оператором «Ленфильма».

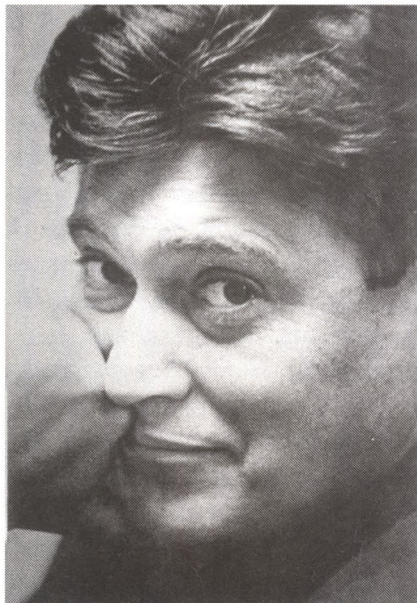
А кратковременное пребывание на студии Николая Александровича Медведева, лауреа-

в нашем случае должен звучать так: «Кадры и закадры решают всё!» Именно поэтому в титрах многих передач указаны имена студийных водителей.

Вновь вспоминаю времена создания студии. Королями вещания были техники: именно они открывали нам возможности аппаратуры, технологию специальных эффектов. Они объясня-

Владимир Кобылин

Юрий Татаринов

та Сталинской премии, бывшего главного режиссера Челябинского драматического театра имени Цвиллинга, придавало нашему коллективу солидность. Рожденный в девятнадцатом веке, Николай Александрович вообще был человеком-энциклопедией. Однажды он спрашивает:

– Леон, как ваша фамилия?

– Пивèр! – отвечаю.

А он:

– Нет, Пивèр! Вы не там ставите ударение, молодой человек, поскольку фамилия французского происхождения!

Я нервно оглядываюсь по сторонам, опасаясь, что кто-то мог и услышать. А в те времена это

было небезопасно. Но мне повезло: вокруг было чисто.

Много позже довелось побывать во Франции. Спрашиваю у гида:

– Пивèр?

Она говорит:

– Посмотрите направо – это магазин. Обратите внимание на вывеску «River&Co». Пивèр – распространенная французская фамилия. В переводе на русский – «зеленый дятел».

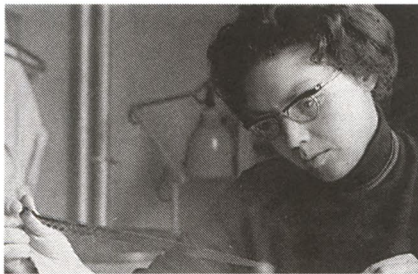
И хорошо, что тогда, в пятидесятых, никто не знал, как моя фамилия переводится, а то было бы у меня прозвище «дятел»! А так все считали, будто я имею отношение к пиву. А это у нас в стране уважалось.

Впервые дни появился на студии кинооператор Рафаил Эйленкриг. В нашем ремесле он не растворился, снимал свое кино. Впоследствии стал кинорежиссером, и многие его работы были показаны по Всесоюзному телевидению.

После окончания МГУ приехали в Челябинск супруги-филологи

Нина Вахрушева

Инна Павлова

Инна и Василий Павловы. Они не были профессиональными режиссерами, редакторами, но с ними студия интеллектуально приподнялась. Василий Васильевич был «рублевским» типажом, с редкой рыжей бородкой, своеобразной речью. Кому-то его манера строить фразы казалась вычурной. Но он-то был в ней органичен.

Режиссером большинства программ, которые вел Василий, была Инна. Павловы приглашали в программу людей, с которыми им было интересно общаться. А если было интересно им, то становилось интересно и зрителям. На студии уже знали: если вызывают Павлова, значит, приехал интеллигентный, умный человек.

Среди студийной «элиты» нельзя не отметить Владимира Попова. Участник войны, прекрасный журналист был спокойным, уравновешенным человеком – настоящим русским интеллигентом.

Сотрудничали с нами и прекрасные музыковеды из Челябинского музыкального училища. И тут мы снова понимали: внешность на телевидении – не главное. Юдифь Звоницкая не была теледивой. Но она прекрасно владела русским языком, и каждая ее программа – это синтез слова и музыки. Была профессионалом своего дела и музыковед Тамара Белицкая!

«Лицом» нашего телевидения долгое время были дикторы Аза Прокопьева и Светлана Павлюк. Я их работу называл «сплошным воспалением седалищного нерва». Потому что электронных суфлеров тогда еще не придумали, и бедные дикторы были вынуждены просиживать стулья, выучивая тексты наизусть.

Работала у нас Ирина Ежова. На какой-то студии она уже приобрела телевизионный опыт, что в то время было редкостью. Каждый день она меняла наряды. Каждый день! Как выглядела нижняя половина – ее не интересовало: все равно не видно. Зато верхняя часть – «эфирный» вариант – не переставал нас изумлять. Юдашкиных и Зайцевых тогда рядом не было, поэтому Ирина доставала журналы мод и действовала, опираясь на собственный вкус.

Впрочем, на этот «зарубеж» можно было вешать табличку: «Сзади не заходить: опасно!» Все ее наряды представляли собой... манишки! На остальное ткани не хватало!

И естественно, зрительницы-модницы заваливали студию письмами: «Какая красавица Ирина Ежова! Вчера она читала новости, не помню какие, кажется, про сельское хозяйство. Зато помню, какая у нее была кофточка, – нельзя ли получить выкройку?»

Мы все, и сама Ирина, воспринимали это с юмором. Прошло совсем немного времени, и эпоха манишек завершилась!

Но наш глаз радовали и представительницы технических профессий. Моим самым любимым монтажером была Нина Вахрушева – тоненькая, хрупкая, грациозная, как солистка грузинского танцевального ансамбля! Бывало, монтируя с Ниной, я спрашивал, глядя в глаза:

– Нравится?

А она говорила:

– Не смотри так – нет!

Сколько же было смонтировано-перемонтировано из-за этих «нет»!.. Да, сегодня, перебирая фотографии, я вспоминаю старых друзей, коллег, единомышленников по творчеству... Многих уже, к сожалению, нет. Нет Миши Верцмана. Рано ушли из жизни всегда спокойный, уравновешенный Саша Громов, мастер создавать хорошее настроение в съемочной группе оператор Игорь Бузуев. Нынешние ветераны кажутся мне до сих пор молодыми: бывшие техники Вася Платонов, Боря Чичиланов, Володя Кобылин, Саша Попов...

Я мог бы назвать еще много замечательных фамилий. Но я не пишу историю телевидения. Я пишу свои истории.

Погодин в доме

Настоящим любимцем публики был Петр Александрович Погодин. Да что публика – я его обожал! У него был прекрасный тембр – баритональный тенор. В программе «Уральская неделя» зрители обращались к нему с самыми невообразимыми вопросами, считая, что Петр знает всё. Если Петр Александрович реагировал на жалобы телезрителей, то делал это с таким публицистическим зарядом, что все были уверены – под нерадивым начальником ЖЭКа закачалось кресло. Погодину доверяли.

Интеллигентнейший человек, мы никогда не слышали от него неформальной лексики. Зато как тонкий знаток фольклора он открывался на рыбалке! Если у Петра не клевало, он оскорблял всю рыбу южноуральских водоемов. И такими словами, что рыба от ужаса всплывала. Погодин ее просто глушил. Я тоже рыбак, и ругайся-не ругайся, но я – «везунчик». Поехали мы как-то вместе на рыбалку, выехали рано. Взяли две надувные лодки, накопили червей. Я «загрузился», Петя встал от меня подальше. Сижу. Клюет.

Он издали интересуется:

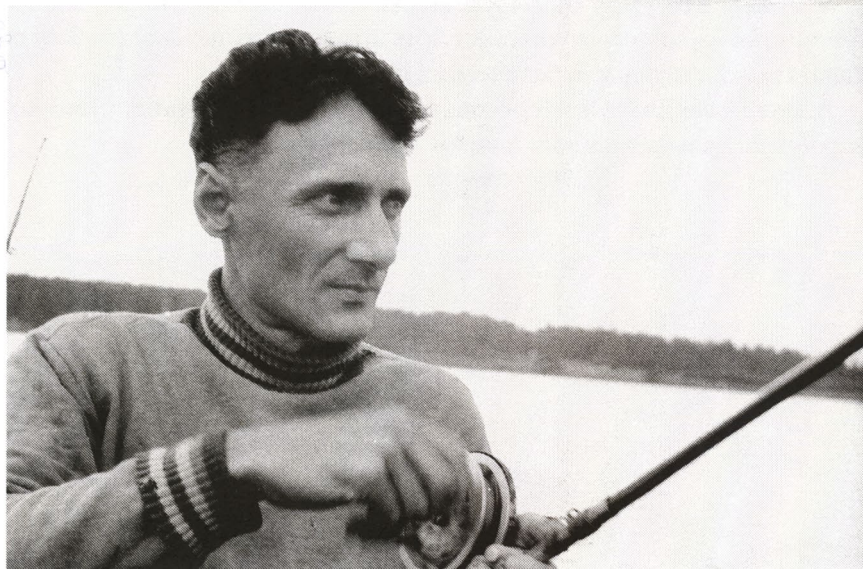
– Григорьевич, ты что делаешь?

– Мы куда приехали? – отвечаю. – Рыбу ловлю.

– Клюет?

– А как же!

Он моментально поплыл в мою сторону, причалил ко мне,

П.А. Погодин

использовал мою лодку в качестве якоря. И у него тоже пошел клев!
Он – мне:

– Григорьевич, классная рыбалка!..

Идиллию нарушил обед. Мы прихватили с берега пакет, как оказалось, не с едой, а с нашими носками и рубашками. Пришлось отправляться на берег.

А мы еще с лодки увидели работающий в поле комбайн. И вот, когда мы наконец добрались до берега, от комбайна подошли нетвердой походкой двое. Спрашивают:

– Вы что тут делаете?

– Рыбу ловим...

– Не имеете права, это наш водоем, наша рыба!

У меня шевельнулось генетическое предчувствие: сейчас бить начнут! Я на всякий случай замолчал. А Петя – нет:

– Что значит «ваша рыба»? Это принадлежит государству!

Те двое, услышав голос, хорошо знакомый им по телевизору, переглянулись и даже в лицах изменились. А Петя напирает:

– Вы кто такие?

Они, прижавшись плечом друг к другу, отрапортовали:

– Мы капитаны степных кораблей!

Я думал, что умру от смеха! Перед нами стояли, покачиваясь, безвинные «жертвы» журналистских штампов, типа «люди в белых халатах», «инженеры человеческих душ»!

А меня еще долго интересовало: могут ли «капитаны степных кораблей» называться «морскими волками»?

Сцена для операшора

В Челябинск приехал великий пианист, лауреат Ленинской премии, человек, объездивший с концертами весь мир, музыкальная гордость страны – Эмиль Гилельс.

– Эмиль Григорьевич обязательно должен выступить, чтобы его увидели, – решили наверху.

И вот встречаем маэстро.

– Что вы сегодня сыграете? – приступаю к исполнению должностных обязанностей.

– «Картинки с выставки» Мусоргского, – отвечает Гилельс. И, скептически глядя на меня, добавляет:

– Сюита. Десять частей...

Я говорю:

– Знаете, Эмиль Григорьевич, вы правы, я не музыкант. Но мне надо каким-то образом считать части, чтобы финал не повис...

Гилельс говорит:

– Ну, я не знаю...

И тут меня осеняет. Я говорю ассистентке:

– Может, ты посчитаешь?

Она пугается:

– Я тоже не музыкант...

– У вас есть паузы? – смеясь, обращаюсь я к маэстро.

Эмиль Гилельс

- Есть, – отвечает тот. – Но очень маленькие!
И тут мне показалось, что с гением можно пошутить.
– А если обидится? – не дремлет моя интуиция. – Будь, что будет! – решаю я и предлагаю:
– Эмиль Григорьевич, может быть, когда вы закончите сюиту, то в качестве опознавательного знака закроете крышку рояля?
Он с интересом смотрит на меня и уточняет:
– Большую или маленькую?
– Не знаю! – выдыхаю я.
Тут маэстро рассмеялся:
– Хорошо, я закрою. Большую!
И вот звучит:
– Внимание, эфир!
Начинается передача. Тогда было принято ставить специальный телевизор-монитор – чтобы находящийся в кадре мог видеть себя. На всякий случай... Да и ответственность артиста это повышало. Но я обычно старался сделать так, чтобы герой программы монитор не видел и не переживал за то, что мы, выражаясь телевизионным

сленгом, «наковыряли». А вот на этот раз, чтобы Гилельс видел, как здорово мы его даем, я решил развернуть монитор, как и полагалось.

Меняются музыкальные картинки, маэстро играет.

Даем руки, профиль артиста, средний план... Все правильно! Неизвестно, как я угадывал, не зная шедевра Мусоргского, хотя, конечно, произведение это слышал.

И вот исполнитель делает паузу...

– Это конец? – пытаюсь понять я.

– Не знаю, – шепчет ассистентка.

Что делать?! Продолжать трансляцию? Если это финал, то будет такая пауза в эфире, какие Станиславскому не снились! Остановиться? А если это не конец? Тогда будет конец мне!

И тут вижу: закрывается крышка. Даю крупный план.

– Действительно, финал! – мелькает в моем сознании.

После съемки благодарю маэстро. А он:

– Я выполнил ваше задание?

Снова смотрит на меня и говорит... Но то, что сказал Гилельс, надо было слышать! И не только мне! Будь тогда диктофоны, магнитофоны и прочие звукозаписывающие штучки, я мог бы, не краснея, воспроизвести слова самого Гилельса. Однако сейчас, делая скидку на технические возможности полувековой давности, просто цитирую, краснея:

– Молодой человек! Извините, товарищ режиссер! А ведь вы понимаете музыку, вы ее чувствуете!

Вот так познается радость творчества!

Впрочем, кое-кто из наших студийных познал эту радость раньше минут на сорок. Потому что перед началом эфира Гилельс попросил:

– Можно сделать так, чтобы мне не мешали? Я хочу позаниматься!

А народу в студии – почти никого: один оператор настраивает камеру, второй – молодой парень Юра – только должен подойти.

Мы, эти «почти никого», благоговейно выходим, хотя и понимая, что не каждый день удастся послушать, как Гилельс играет гаммы.

И вдруг, в разгар разминки, взглянув в студию сквозь стекло перегородки, я увидел Юру, красовавшегося у рояля там, где обычно стоит солист. Эмиль Григорьевич Гилельс, народный артист Советского Союза, лауреат Ленинской премии, играет какой-то мотив. Я даже не слышу, какой именно, но чувствую... Выскакиваю на площадку: точно! звучат аккорды популярной в те годы песенки Льва Ошанина и Аркадия Островского «А у нас во дворе...»!

Как оказалось, Юра всё-таки заблаговременно пришел в студию. Услышал гаммы, надоевшие ему минут через пять. И по молодости, по незнанию ли брякнул:

- Вы что, не можете что-нибудь другое сыграть?
- Что бы вы хотели? – отзывчиво поинтересовался Гилельс.
- «А у нас во дворе...!» – не растерялся Юра.
- Пожалуйста! – тронул клавиши Гилельс.

В общем, пока маэстро озвучивает трогательную историю о неразделенной юношеской любви для пламенного поклонника творчества Иосифа Кобзона, я шепчу Юре:

- Надень наушники!
- И, выйдя из студии, по режиссерской связи кричу:
- С ума сошел, балбес! Это же Гилельс! Величайший пианист!
 - Точно, здорово играет! – соглашается Юрка.

Теперь, когда я слышу «А у нас во дворе есть девчонка одна», вспоминаю не девчонку – «Картинки с выставки»...

Международная муха

Люди постарше помнят, что отношения между СССР и Китайской народной республикой долгое время напоминали приливы и отливы: то улучшались, то ухудшались... Важно было следить, чтобы в этих колебаниях политической стихии не оказаться накрытым волной. А ведь была ситуация, когда отношения висели не то что на волоске – на вредном насекомом.

В Челябинске тогда училось много китайских студентов. Некоторые приходили на студию, рассказывали в эфире о себе, своей стране, делились впечатлениями. Однажды появился молодой китаец, симпатичный, в кителе со значком Мао Цзэдуна... В рамках нормализации международных отношений решили дать его в эфир.

Закрыли малую студию, зажглось табло «Микрофон включен».

Наш гость рассказывает, как приехал в Советский Союз, на кого учится...

А в студии – жара, словно в Африке.

Вдруг слышу – муха! Не бог весть какое событие – не Змей-Горыныч ворвался. Рассказчик даже взглядом не повел. А между тем муха, освоившись, садится гостю на руку. Тот, не реагируя, продолжает общаться со зрителями.

– Вот это выдержка, – восхищаюсь я.

Совершив несколько виражей по студии, муха технично приземляется на вспотевший китайский лоб. Никакой реакции. Я набираю

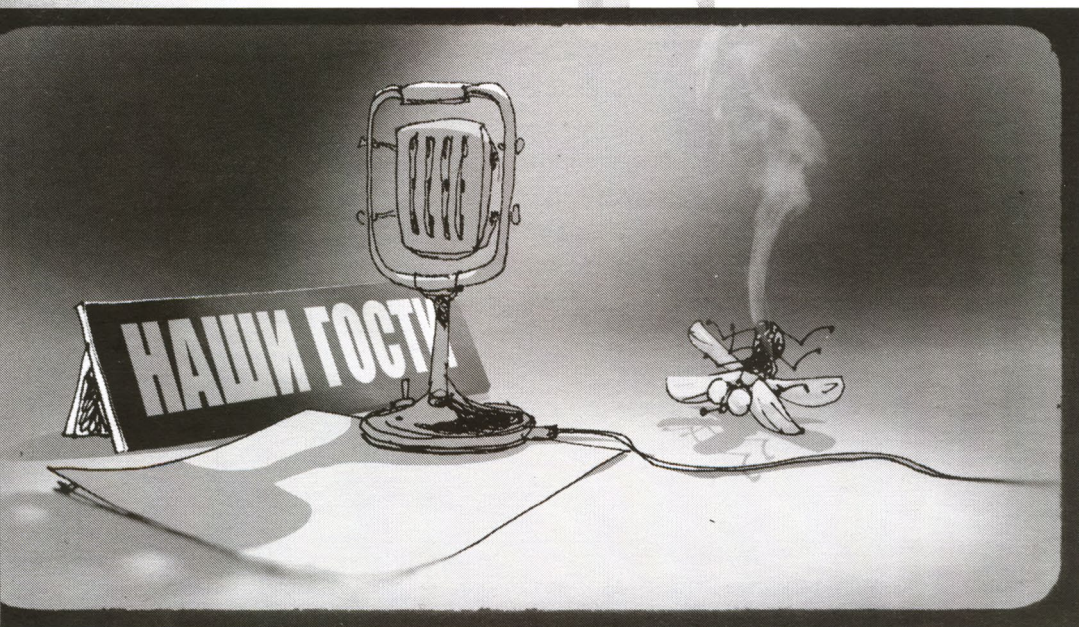
в легкие воздуха, намереваясь сдуть мерзавку. Но пока собираю всю свою решимость для этого «акта милосердия», вдруг вижу: кожа под мухой задрожала. Причем у человека в кадре дернулось именно то место, где сидело непоседливое насекомое. До сего момента такое мне приходилось видеть лишь тогда, когда лошадь, отгоняя оводов, совершала движение не всем телом, а именно той частью, которая подверглась агрессии.

Тем временем рассерженная муха, вновь совершив ритуальный облет, садится представителю Поднебесной на нос. Тут уже я не знал, чем помочь бедняге.

– Махну – гость испугается. Не отгоню – примет муки от мухи.

И что же? Выступающий, даже не качнув головой, сделал неуловимое движение кончиком носа – муха слетела и исчезла навсегда. Вот таким терпеливым человеком был этот молоденький студент. И разве надо удивляться, что теперь представители Китая доминируют на Олимпиадах!..

Во время следующего эфира тоже появилась муха. Но это была уже совсем другая муха. Она никого не трогала, а, примостившись на теплом софите, думала о чем-то своем.

Быстрее света

Если верить Эйнштейну, скорости быстрее света не существует. Застань великий физик те года, когда мы вещали на одном канале с Центральным телевидением, он бы наверняка подправил свою теорию.

Тогда наша студия вещала четыре часа, но ровно в шесть вечера мы должны были закончить свою работу, чтобы вернуть эфир столице. «Залезть на Москву», в главную сетку страны хотя бы на доли секунды – было равносильно самоубийству.

И между прочим, случаев перебора лимита не было. Но не потому, что, выражаясь современным языком, тайминг был выстроен до секунды. Просто инженер, коммутировавший на пульте вещание с местного на столичное, выключал своих в любой ситуации, на полуноте, на полуслове. А у «выключенного» оставались незабываемые впечатления человека, схлопотавшего моральную оплеуху.

У нас было принято ежедневные выпуски завершать небольшой музыкальной программой. Благо выбор был огромным. В Челябинск приезжало немало гастролеров – настоящих прекрасных исполнителей. Среди них были и такие, которым, как национальному достоянию, даже запрещали летать самолетом. На поезде к нам «добирались» С. Рихтер, Э. Гилельс... И вот приехал замечательный скрипач, лауреат престижной музыкальной премии Валентин Жук, в репертуаре которого был «Лунный свет» из «Бергамасской сюиты» Дебюсси. Мы составили программу, посчитав, что передача должна идти не более полчаса:

Валентин Жук

– Потому что за нами Москва, – объясняю Жуку. – Вы представляете, что это значит?

– Конечно, – кивает он, демонстрируя готовность идти на компромисс.

Составляем монтажный лист.

– Эта пьеса звучит четыре минуты, эта – шесть, это произведение – пять, это – семь и последнее – «Лунный свет» – четыре минуты.

– Итого – двадцать шесть.

– Как бакинских комиссаров, – сказал кто-то.

– И четыре минуты остается на заставку, для объявления композитора, исполнителей...

Начинается «живая» трансляция.

Вот уже в кадре – диктор с традиционным:

– Здравствуйте!

А я предусмотрительно прошу скрипача:

– На всякий случай, знаете, на всякий случай, проконтролируйте!

И показываю на большие часы вокзального формата, висевшие в студии.

– Спасибо большое, – продолжает демонстрировать почти пионерскую сознательность Жук. – Я все-таки себя проконтролирую.

И добавляет:

– Не волнуйтесь, я обязательно буду следить!

Диктор объявил:

– Начинаем концерт лауреата...

Прозвучало первое произведение... Заключительные аккорды второго... Третьего... Настает черед Дебюсси...

Скрипач, похожий на Паганини, – высокий, худой, с вдохновенным лицом, даже сурдинку ставит вдохновенно. Льет волшебная музыка, которую не в силах испортить никакие звукорежиссеры.

И вдруг я чувствую, что маэстро начинает играть чуть-чуть быстрее, ускоряя темп...

– Наверное, так нужно, – думаю я.

Аккомпаниатор начинает его догонять... Скрипач с небольшим отрывом лидирует...

– Дай крупный план, – прошу оператора.

На «крупняке» замечаю странный, направленный в сторону взгляд Жука. А музыка звучит всё быстрее...

– Это невозможно, – готов закричать я. – При лунном свете такого темпа не бывает!

Это я знал точно – на основании личного опыта. Между тем пианист, демонстрируя спортивный характер, догоняет ушедшего в отрыв солиста. А скрипач играет так, будто запустили магнитофон на повышенной скорости. Глаза – безумные, пот – ручьями...

– В чем дело? – не пойму я.

Не понимают ничего сидящий рядом ассистент, звукорежиссер. А Жук все ускоряет темп, ускоряет...

– Это уже неприлично, – мелькает у меня мысль.

И тут маэстро завершает исполнение.

Даю заставку.

– Что произошло? – недоумеваю я.

Наш оператор Игорь Бузуев сидит взмокший, смеется, тоже ничего не понимая.

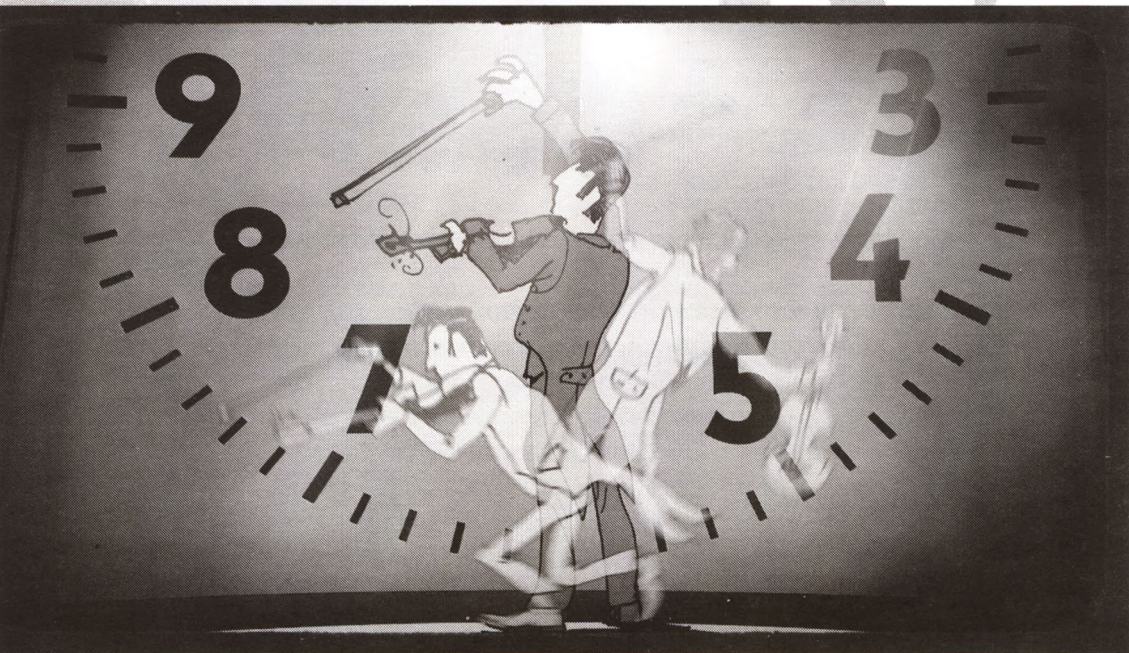
...Объяснилось все просто. Дежурный электрик, сменяя коллегу на посту, сверила свои часы производства родного челябинского часового завода, в качестве которых была уверена, с электрическими часами в студии, в надежности которых сомневалась. И выяснила, что те отстают от ее собственных. Обеспокоенная, она из служебного помещения стала дистанционно переводить стрелки электрических часов... И в этот момент лауреат престижных международных конкурсов, бросив взгляд на студийные часы, увидел жуткую картину: маленькая стрелка почти оседлала шестерку, а большая неумолимо двигалась к роковой цифре двенадцать. В гениальной голове, очевидно, проскочило несколько тактов свиридовского «Время, вперед!», а в его ушах звенели не только звуки ноктюрна, но и дружный хор наших голосов:

– За нами – Москва! Нас уволят! Ужас!

И он вообразил, будто так погрузился в атмосферу «Бергамасской сюиты», что время пролетело незаметно. Однако «Лунный свет», написанный в 1890 году, под впечатлением, как полагают специалисты, одноименной поэмы Поля Верлена, был доигран до последней ноты!

После этого случая у музыкантов вошло в обиход выражение:

– Он играет Дебюсси в челябинском темпе!
...С тех пор прошло более полувека. И время, как я теперь убе-
дился, летит быстрее скорости света. Не прав был великий физик!
А Валентин Жук ныне – профессор Амстердамской консерватории,
продолжает концерттировать, ведет мастер-классы.

В белых танках

Однажды в город приехал солидный симфонический оркестр: большой состав, музыканты – во фраках, дамы – в концертных платьях. Лакированные туфли, изящные босоножки – в общем, торжество высокого стиля.

Нам предстояло транслировать концерт из большой студии в прямом эфире. В звуке мы к тому времени немного поднаторели – не было опасения за его качество. В студии поставили разновысокие станки, чтобы музыканты не сидели в одной плоскости.

Вот оркестранты заняли свои места. Ударная группа оказалась выше всех. Операторы наконец-то узнали, как выглядят литавры! Наши старания были оценены – ведь у каждого из артистов появился шанс мелькнуть в кадре. Вышел дирижер – началась репетиционная работа.

И незаметно подошло время выхода в эфир. Диктор объявляет:

– Начинаем концерт симфонической музыки!

– Дайте общий план! – прошу я оператора, поскольку «общак» – традиционная прелюдия подобного рода трансляций.

Дают общий план. На мониторе я вижу оркестр, первую скрипку...

И вдруг замечаю у этой скрипки что-то белое на ногах.

Говорю оператору на параллельной камере:

– Покажи ноги первой скрипки, пока мы не в эфире!

Тот укрупняет ноги... Боже! Скрипач сидит в китайских кедах!

Что делать? Эфир уже начался!..

Так весь концерт и прошел на среднем плане... Ну, не мог я дать общий, потому что кеды и симфония – дисгармоничны!

После трансляции рассказываю о музыканте в кедах дирижеру.

– Хорошо, что он был не в тапках! – говорит дирижер. – Музыкант-то, как говорится, в возрасте, с ногами – проблемы: до концерта в кедах и расхаживает. Видно, собирался переобуться, да забыл!

Пообщавшись с дирижером, спрашиваю оператора:

– Ты-то видел белые тапки? Почему ничего не сказал?

– Леонид Григорьевич, – слышу в ответ, – я посчитал, что по кедам дирижер определяет, где сидит первая скрипка!

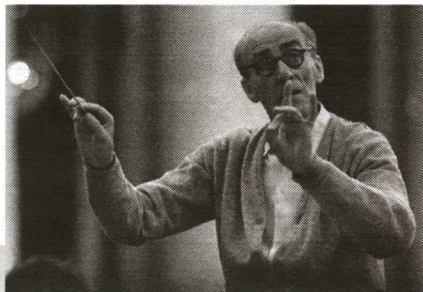
Думаете, оператор пошутил? Ничуть не бывало!

Мравинский в шоколаде

В начале 70-х годов в Челябинск приехал симфонический оркестр под управлением Евгения Мравинского, народного артиста Советского Союза. Концерт должен был состояться в зале оперного театра.

Конечно, на выступление всемирно известного маэстро попали не только истинные любители музыки, меломаны, которых я и сейчас встречаю в храмах классики. В первых рядах сидело местное руководство, полезные люди, многих из которых я узнавал, надеясь, что и они узнают меня... Еще бы: мне выпало счастье транслиро-

Евгений Мравинский

вать такой концерт! Мы установили микрофоны, расставили камеры. И, когда настраивали аппаратуру, я подумал: хорошо, что концерт проходит не в зале филармонии, расположенном рядом с трамвайными путями. Если бы Мравинский выступал там, то на дирижерский пульт, рядом с клавиром, следовало бы водрузить расписание движения

городского электротранспорта, чтобы, независимо от партитуры, в момент прохождения трамвая звучало форте. Потому что иногда там получался концерт для симфонического оркестра с трамваем.

Ну, а в оперном театре, с точки зрения трамваев, все было нормально. Зал по акустике – просто уникальный. Наш зал.

И вот первые такты симфонии. Оркестр звучит так, что слышно каждое дыхание... Кажется, зал просто замер. И вдруг... страшный грохот раздается в эфире. Я кричу оператору:

– Что случилось?

– Не понимаю! – слышу в ответ.

А шум продолжается, и уже все начинают обращать внимание. Оператор поворачивает камеру, и я вижу рядом с микрофоном, точку установки которого так долго искали, девочку, которая, удобно устроившись в кресле, достала шоколадку и, в предвкушении ребячьего счастья, зашуршала фольгой.

– Покажи ей кулак! – командую оператору.

Тот беспрекословно выполнил команду. Девочка, испугавшись, стала стремительно заворачивать свое шоколадное сокровище. И снова в эфир «попился» скрежет, только еще большей частоты! Ребенок-то торопился...

Трансляция, конечно, продолжалась. Но спустя несколько дней на студию стали приходиться письма... И тогда, возможно впервые, мы поняли, что такое «возмущенный зритель».

– Это был оркестр Мравинского? – спрашивали меня потом.

– Да!

– А откуда шла трансляция?

– Из листопрокатного цеха! – отвечал я.

И спрашивающие всепонимающе кивали.

TRAV

TRAV

Жертва «Холодной войны»

Тем летом в Челябинске выступал московский театр имени Гоголя. Мы, телевизионщики, заранее зная о гастролях популярного коллектива, выслали в театр сценарий инсценировки повести Фридриха Дюрренматта «Авария», созданный студийными авторами. Замахнулись, так сказать, на одного из самых популярных западных писателей того времени. Благо, в холодной войне наступила некоторая разрядка, и нам позволялось немного искусства «загнивающего капитализма».

Сюжет произведения, которое мы задумали экранизировать при участии московских артистов, когда-то был у нас хорошо известен. В доме бывшего судьи собираются отставные представители зарубежных «правоохранительных органов» – от адвоката до палача, которые от скуки разыгрывают судебные расследования над Наполеоном, Бисмарком. В общем, без дела – уголовного! – не сидят. И вот, когда в дом – по причине дорожной аварии – попадает новый персонаж, «старички-разбойники» умудряются доказать, что тот виноват в гибели человека.

Я специально напоминаю дюрренматтовский сюжет, чтобы показать, какое сочетание фантазмагии и реальности, психологии и детектива предстояло разыграть столичным артистам. Герои

были выписаны автором просто великолепно. Актерам было где развернуться. Главную роль играл прекрасный артист Юрий Горобец. Съемки шли пять ночей, поскольку по вечерам москвичи были заняты в спектаклях. Снимали мы не на видео, а на киноплёнку, тем самым почти на полтора десятилетия опередив телевизионный фильм В. Жалакявичуса с Р. Адомайтисом, Р. Пляттом, Ю. Ярветом и И. Мирошниченко. Режиссером челябинской версии «Аварии» выпало быть мне.

Уставали на съемках страшно. И очень завидовали атмосфере тишины и покоя, в которой существовали герои знаменитого швейцарца.

И вот – снят последний эпизод. На студийном «биг-бэнде» – пять утра.

– Это надо отметить, – сказал кто-то.

– Есть идея! – отозвался я как знаток местных значных точек. – Тут совсем рядом.

В те давние годы на месте бывшего (а тогда еще – будущего) института советской торговли, среди непролазной грязи, располагались склады и гаражи. И между ними был домик – магазин или буфет, по ситуации. Окрестные шоферы заходили туда, чтобы опохмелиться. Командовала там Клава – почти кинематографический персонаж: разбитная, бойкая. Она понятия не имела о советской торговле, но кто бы и когда ни постучал, Клавочка вставала и наливала, спасая человека... Очень ее за отзывчивость любили. И не только шоферы.

И вот, труппа, как была в театральных костюмах, пробирается к владениям Клавы. Подходим. Я деликатно стучу.

– Кто там? – привычно просыпается хозяйка.

– Клавочка, не пугайся, это артисты, – на всякий случай объясняю я.

А то увидит труппу в буклях, фраках, бакенбардах – с ума сойдет. Конечно, не столько проблемы интеллекта продавщицы волновали меня – но было бы обидно преодолеть грязевые разливы понапрасну.

Однако обошлось – нас пустили. Сидим, выпиваем, делимся художественными впечатлениями. Вдруг открывается дверь, заходит гость, как в народе говорят, с большого бодуна, с единственной мыслью в подкорке: пропустить стаканчик... И – видит наших артистов...

Его зрачки расширяются до размеров лица. В его воспаленном мозгу проносятся сразу все мифы холодной войны: Америка победила, враг уже здесь и оккупировал святое опохмелочное место!..

С жутким криком жертва идеологии бросилась на улицу и понеслась прочь от гнезда диверсантов.

С нами был оператор, молодой, шустрый.

– Догони, – попросил я.

В общем, минут через десять он привел дрожащего бегуна. Налили, как полагается, по 150... Тому заметно полегчало. Но недоверие оставалось. Даже после того, как кто-то из присутствующих отклеил накладной ус.

Повеселев, гость ушел. Однако сквозь его благодарность по-прежнему ощущались сомнения... Что поделать, и на холодных войнах бывают контуженные.

Ветераны

Конец шестидесятых – прекрасное время в жизни города и области, эпоха всевозможных соревнований, конкурсов. Состязались города, районы. Это был ренессанс самодеятельного творчества, а творчество сближало людей.

Сначала самодеятельные артисты выглядели бедновато. Хотя, впрочем, кто в те годы выглядел богато? Но когда творческие коллективы ждали визита телевидения или приезжали на студию, их участники разительно менялись. Невесть откуда появлялись новые костюмы, чистились, драились инструменты, даже исполнительское мастерство, казалось, возрастало.

Атмосфера общего артистического настроения, художественного азарта просто зажигала. Была бы массовость, а культура придет! – казалось всем. А уж нам, вовлеченным в эту фестивальную атмосферу, думалось, что ничего более грандиозного в стране и нет! Даже межрайонные творческие баталии вызывали общий ажиотаж. Чего стоили поединки Кизильского района с Аргаяшским! И там, и тут были прекрасные коллективы. И не суть важно, что с талантливыми номерами соседствовали выступления послабее. Зритель принимал все, потому что искренне верил в происходящее.

...Почему-то запомнилась певица, которая пела громко, но не чисто. А односельчанам нравилось!

– Нельзя же так... – попытался я как можно деликатнее поставить голос «на место».

– Это песня про Родину! – почти возмутилась вокалистка.

– Милая моя, – сказал я, – про Родину тем более нужно петь чисто!

А руководитель коллектива шепчет:

– Если вы ее пропустите, мы вам мясо привезем!

Мясной дефицит тех лет хорошо помнит старшее поколение. Молодежи придется поверить мне на слово.

– Мясо – прекрасно, – сказал я тогда деревенскому культуртрегеру, грезя отбивными, – но в таком варианте выпускать номер нельзя!

И спустя многие десятилетия я ставлю себе в заслугу то, что ради чистоты искусства наступил на горло песне собственного желудка.

А тогда так было жалко... Нет, не потерянных отбивных, – артистов. Разве их вина в том, что не было у них настоящей музыкальной школы, негде было отточить художественный вкус?..

И после репетиции, предваряя ставшую впоследствии знаменитой фразу, я предложил певице остаться.

– Маша, солнышко, разве дома ты так же поешь? – спрашиваю. – Наверное, не кричишь?

Она, неуверенно:

– Не-е-ет.

– Вот и спой «Гляжу в озера синие» так, будто маме поешь!

Маша задумывается:

– Тихо?

Я:

– Конечно!

Я мог давать такие советы, потому что хорошо знал автора музыки этой песни – композитора Леонида Афанасьева. К тому же был у меня особый, «фирменный» прием: когда исполнялись народные песни, я ставил на пюпитр перед певцом фотографии с отечественными пейзажами. Родные просторы действовали убедительнее всех сольфеджио.

И вот «Гляжу в озера синие, в полях ромашки рву, зовут меня Россию, единственной зовут...» зазвучало искренне, чисто, проникновенно. Какой у Машеньки был прекрасный голос! И какие чудные глаза!

...А про мясо я забыл. Я его и сейчас мало ем.

Глас народа

Я вырос и сформировался в то время, когда обращения партийных руководителей к советскому народу значили крайне много, настолько много, что были способны порой перевернуть жизнь целой страны.

Почему я вспоминаю об этом «пережитке прошлого»? Да потому, что в моей собственной жизни был случай, когда я тоже ощутил себя государственным человеком.

Это произошло во время визита в Челябинск делегации Чеченской республики. Поезд дружбы доставил замечательных артистов разных жанров, среди которых особо выделялся танцевальный коллектив. Были в делегации и наши коллеги – редактор, оператор, – для которых мы на кафедре телерадиожурналистики ЮУрГУ устроили прием в одной из аудиторий. Заведующая кафедрой Людмила Шестеркина умела официальную встречу силой личного обаяния превратить в дружескую. Лично я с удовольствием отметил, с каким уважением чеченцы относятся к старшим. Обстановка за столом царила самая теплая. Пели гости, пели мы, иногда хором, периодически я демонстрировал «сольный репертуар».

И вдруг раздается голос журналистки грозненского радио:

– Леонид Григорьевич, скажите несколько слов для наших слушателей!

– Дорогая моя, что я могу сказать?

– Что бы вы хотели сказать моему народу? – уточняет журналистка.

– Рамиля, разве я похож на человека, который может общаться с целым народом?

А она настаивает:

– Но вы же чувствуете, что происходит...

Я говорю:

– Чувствую, что происходит ужасное. Мы тут разговариваем, веселимся, а в это время льется кровь. Может быть, мне это снится?

Рамиля тихо отвечает:

– Нет, не снится.

Я продолжаю:

– Даже не верится! Как такое может быть? Если это сейчас же не прекратится, позор ляжет на головы людей, которые все это развязали. И ничего страшнее этого позора не может быть! Если бы я действительно мог обратиться к людям, я бы сказал им: нам мало того, что уже с нами всеми случилось?

– Леонид Григорьевич, а что бы вы еще хотели сказать?

– Я бы сказал, – пришлось набрать воздуха, – какое мы, вообще, имеем право хотя бы пальцем прикасаться к человеку, жизнь которому дала мать? Как человек по чьей-то воле может забирать у другого жизнь? Жизнь, в которой было столько тепла и еще столько могло бы случиться хорошего, радостного... Никто не имеет права покушаться на человеческую жизнь.

Даже не знаю, откуда взялся во мне такой ораторский запал...

На следующий день гости давали концерт в филармонии. А по окончании представления, в разгар обмена телефонными номерами, сувенирами замечаю: недалеко от меня появляется штатив, разворачивается камера, включается свет... Значит, у кого-то берут интервью. Вдруг ко мне подходит высокий парень с микрофоном:

– Леонид Григорьевич, что бы вы хотели сказать чеченскому народу?

Я удивляюсь:

– Кажется, вчера было уже все сказано!

– Так то было для радио! А это пойдет по телевидению!

И вдруг ловлю себя на мысли: наверное, как говорят, дитя войны, самой страшной, самой жуткой войны в истории, имею право?..

И я начал:

– То, что происходит, это сумасшествие. Я не знаю, будут ли слушать меня, не знаю, интересен ли я чеченскому и другим народам, – я просто люблю детей. И я рад, что у меня есть возможность сказать: «Прекратите! Только в этом наше общее спасение! И...»

И пошел через их шнуры и сквозь прожекторы...
Поэтому до сих пор, когда слышу фразу «Лишь бы не было войны!», произнесенную с потугой на шутку, готов «убить» шутника.
И да простят мне мой вспыльчивый характер!

С народным артистом СССР Махмудом Эсамбаевым в челябинской телестудии (60-е годы прошлого века)

Культура и массы

Честно признаюсь: не знаю, кто из партийных идеологов выдвинул лозунг «Культуру – в массы!» – но рад, что мне посчастливилось реализовывать его с помощью телевидения. Потому у партии претензий ко мне быть не может. Правда, «массы» не всегда жаждали «пустить культуру» в свое пролетарское сознание. Вот вам один эпизод.

Для приобщения молодежи к культуре на дневные представления в театры приглашали учащихся профессионально-технических училищ.

Нияз Даутов

Благодаря трудовой дисциплине зал собирался полный. И шум стоял невероятный! Особенно бурно рабочая молодежь реагировала на любовные сцены, – эпизоды, в которых герой и героиня целовались, зал, как правило, активно озвучивал.

Не очень-то веря в волшебную силу искусства, режиссеры, дабы не провоцировать зрителя, перестраивали мизансцены, заменяя страстные поцелуи воздушными. В спектакле артисты стояли, словно на дуэли, и, в плену наплыва-

ющих чувств, целились друг в друга изящными жестами, так что зритель порой просто не успевал за стремительной жестикуляцией. Это было нашим художественным ноу-хау.

А в ту пору, в середине шестидесятых, художественным руководителем театра оперы и балета был замечательный, интеллигентный, мягкий, добрый человек, народный артист России Нияз Курамшевич Даутов. Обладатель прекрасного тенора, он еще в годы войны участвовал в съемках фильма по оперетте И. Кальмана «Сильва», исполняя главную роль Эдвина. Все женщины были в него влюблены. И я полагаю, что ему, как истинному артисту, прямой контакт с неподготовленными массами был попросту противопоказан.

Но как-то в финале спектакля в оркестровую яму с балкона полетела деталь тяжелого стула. И вовсе не потому, что оркестр плохо играл. Просто такой была публика! К счастью, музыканты уже собирались уходить. А упали предмет интерьера несколько раньше, тромбонов и труб не досчитались бы.

Следующие спектакли оказались под угрозой срыва. Музыканты не хотели играть. Вот тогда и возникла традиция. Перед началом каждого представления на авансцене появлялся Нияз Курамшевич и щедро делился информацией о предстоящем действии. Но выходил он вовсе не для изложения либретто. Директорская сольная партия исполнялась ради финальной фразы:

– Дорогие друзья, не надо бросать стулья в оркестровую яму – музыкантам это не нравится...

И эту фразу Даутов тоже произносил спокойным, мягким голосом.

*Задумчивые коллеги. Слева направо: Л.Г. Пивер (сидит), Н.А. Медведев,
В.Н. Тихомиров*

Знамя Станиславского

На третьем-четвертом году своего существования челябинское телевидение созрело для того, чтобы обзавестись спутником – театром телевизионного актера. Нам казалось, что мы стали мэтрами. Мы грезили большими постановочными формами – фильмами, спектаклями... Наконец, свои исполнители нужны были телевидению еще и потому, что актеры профессионального театра не всегда могли участвовать в съемках, будучи занятыми по основному месту работы.

Итак, объявили набор на курсы театра телеактера, создали приемную комиссию. Состав комиссии был интеллектуально-рафинированным. Наш главный режиссер и режиссер в студии пришли на ТВ из профессиональных театров. Имелись среди экзаменаторов и бывшие актеры. Конкурс в комиссию был, должно быть, не меньше, чем в наш театр.

Включили в жюри и меня. Я сидел в комиссии и принимал такие позы творческой сосредоточенности и самопогруженности одновременно, что конкурсанты наверняка думали:

– Этот загадочный – главный!

Из числа будущих телевизионных актеров предстояло отобрать и потенциальных телевизионных дикторов. Среди них было человек

двадцать «левитанов» (так мы шутили), которые фразу «говорит Челябинск» произносили так громко-торжественно, что все просто умирали от смеха.

Жаль, что мы тогда не догадались снять о нашем конкурсе документальный фильм – могло бы получиться очень забавно. Да и награды телевизионных фестивалей были бы гарантированы.

Но всему хорошему, в том числе и веселью, приходит конец. Причем мой конец наступил раньше, чем подвели итоги конкурса. И приблизил его один самоуверенный тип из числа поступавших. Читая стихи, он сел на стол жюри, видимо, стремясь продемонстрировать свою актерскую свободу.

И вот наш режиссер спрашивает наглеца:

– Вы случайно не помните изречения Станиславского о театре?

У парня вспыхивают глаза:

– Театр начинается с вешалки!

И тут меня дернуло добавить:

– Так что иди – одевайся!

После этой реплики у меня появилось столько неприятностей, что парень мог бы торжествовать. И конечно, из числа вершителей творческих судеб меня убрали.

Так завершилась моя первая попытка работы в жюри. Впрочем, мое отсутствие в стане «телевизионных арбитров» уже не могло изменить ситуацию. Конкурсанты продолжали идти и после того, как прием завершился. И мы, смеясь, предлагали охраннику экзаменовывать претендентов уже на входе.

Эй, Вратарь, готовься к бою

Среди гастролеров 60-х самыми заметными коллективами были московские и ленинградские театры.

Однажды к нам приехал театр Ленинского комсомола. Его сейчас знают как «Ленком», а тогда театр не стеснялся своего полного названия. В труппе – звезда на звезде: молодые А. Ширвиндт, М. Державин, блистательный В. Ларионов. И вот что интересно: в театральные анализы нет ни слова о спортивной стороне гастролей. А ведь были такие схватки, перед которыми канадская хоккейная серия семьдесят второго года просто меркнет. Во всяком случае, для участников поединков на челябинской земле.

Не припомню, кому на студии пришла в голову идея сыграть с ленкомовцами в футбол. Но все организовывалось солидно. Нет, мы не получали гонораров, подобно нынешним мастерам кожаного

Александр Ширвиндт

мяча, однако афишу сделали самую настоящую. Она украшала собой гостиницу, где разместились артисты: «На стадионе „Локомотив“ состоится матч между „Вышкой“ и театром Ленинского комсомола». Причем название «Вышка» несло только позитивное звучание: так гости окрестили нашу команду.

Подготовка к матчу была серьезной. Прежде всего, мы изучили «манеру игры» соперника. И быстро поняли, что «Вышке» – крышка. Они ухитрялись не только бегать, но и забивать... У нас тоже были достойные игроки, но, увы, они не бегали и не забивали. У наших уже тогда манера игры была, как у российской сборной: дотянуть до свистка. Но выиграть-то хотелось!

И тут мы вспомнили про нашего друга – замечательного хоккеиста Анатолия Алькова, известного всем челябинским болельщикам. Анатолий десять сезонов играл в «Тракторе», ездил в составе сборной СССР в Канаду. Для нас же важным представлялось то, что, в отличие от крепких, кражистых спортсменов, Альков был «интеллигентного» сложения, к тому же начитанным. А катался Анатолий так, что казалось, будто режиссер убрал звук: не было слышно характерного звука скользящих коньков.

Конечно, «Вышка» не была пределом Толиных мечтаний, но он отозвался на приглашение, очевидно, из желания поближе познакомиться с артистками. А их на трибунах было несметное количество. Можно спорить о том, был ли Анатолий только половиной или всей командой, но второй половиной являлся вратарь. А вратарем поставили меня...

Замечу: весь мой голкиперский опыт был почерпнут из фильма «Вратарь». Я метался в воротах как лев... Сначала я отнесся к матчу несколько легкомысленно. Но когда игра началась, появился спортивный азарт. Тем более что публика на трибунах болела не на шутку...

Павел Ромаровский

Правда, весь первый тайм я мяча почти не касался, поскольку Альков плотно прижал соперников к их воротам. С трибун неслось:

– Толя, играй проще!

А «вышковцы» просто не добежали до противоположной штрафной. Если и случалось кому-то из наших сделать рывок, рванувший вскоре устало возвращался на свою половину...

И вот в обстановке нашего полного превосходства мне все-таки удалось коснуться мяча: надо было ввести его в игру. Причем, по правилам – с земли. А с земли я не умел.

– Давайте, выбью с руки, – попытался выкрутиться я.

Но судья был непреклонен. Да и как можно было спорить с чемпионом страны по фигурному катанию, будущим судьей международной категории, самым популярным среди болельщиц челябинского футбольного клуба «Динамо» игроком Павлом Яковлевичем Ромаровским?!

В общем, я поставил мяч на землю, прицелился, ударил, и... мяч, попав ленкомовцу в коленку, срикошетил прямо в сетку... Хохот на поле и трибунах поднялся такой, что создатели кинокомедии про вратаря могли бы позавидовать.

По истечении тайма половину нашей команды заменили. Естественно, не Алькова. Ушли операторы, с позором был изгнан звукорежиссер, поле покинули два рядовых редактора, любимец телезрителей – ведущий популярной программы, и в их числе – я. Честь телевидения вышел защищать инженерно-технический состав телерадиоцентра, который спас игру и победил.

После матча ко мне подошел Александр Анатольевич Ширвиндт. В глазах артиста читалась тоска:

Анатолий Альков

приехать в Челябинск, глушь, провинцию, чтобы проиграть какой-то неизвестной команде! А ведь ленкомовцы были чемпионами театральной Москвы, уступая в упорных схватках только команде Большого театра, и то лишь когда за нее играли артисты балета.

– Старик, что же это?..

Я говорю:

– Да вы что? Кто?

– А вот он – это самое, – и Ширвиндт показывает на Алькова.

– Это наш новый звукорежиссер, – не теряюсь я. – Такая творческая находка.

О том, что состоялся матч века, телезрители так и не узнали: ведь мы в основном были «закадровыми» людьми. А вот театральные зрители недоумевали: почему на совершенно «гражданском» спектакле артисты передвигаются какой-то кавалерийской походкой? Действительно, в результате матча артисты ходили по сцене как мушкетеры после долгой скачки на лошадях.

Затем мы – уже по-честному – сыграли с ленкомовцами в настольный теннис, волейбол... Но за тот футбольный матч обиду москвичи затаили.

Спустя тридцать лет в Челябинск приехал Театр сатиры. В доме актера устроили капустник. Участвовали Державин и Ширвиндт. И вот, со сцены, Александр Анатольевич на полном серьезе говорит:

– Мы играли в футбол с вашей «Вышкой»... Проиграли... Однако я уверен, что у вас был подставной игрок.

Что ж, как порядочные люди, мы во всем признались. И за давностью лет были амнистированы. Но чувство победителей осталось до сих пор.

Кумиры на стадионах

Популярную в шестидесятые-семидесятые годы идею единения творческой элиты и «нетворческих масс» лучше всего выражали «Праздники труда и искусства» – совершенно особый вид зрелищного представления. Переполненные стадионы, кумиры страны на огромных сценических площадках, украшенные автомобили, приподнятое настроение, радость. Обязательной частью в прологе такого представления была кавалькада, участники которой на движущихся автомобилях изображали важные вехи истории страны: эпизоды гражданской и отечественных войн, освоение целины, покорение космоса. Событий хватало.

В первых праздниках участвовали настоящие звезды. Если по замыслу режиссера должна была промчаться тачанка, то в роли легендарного комдива Чапаева был, конечно, исполнитель роли Чапаева Борис Бабочкин, в роли его ординарца Петьки – Леонид Кмит. Пулеметчицы Анки в то время в боевом строю уже не было – исполнительница постарела, а замена снизила бы эмоциональный уровень восприятия героев картины братьев Васильевых. Всенародные любимцы Борис Андреев и Петр Алейников появлялись на стадионах в качестве персонажей фильма «Большая жизнь». Марк Бернес исполнял незабываемую «Темную ночь». Николай Рыбников напевал «Не кочегары мы, не плотники» из фильма «Высота». Борис Чирков выступал с песней «Крутится-вертится шарф голубой...»,

которая у всех ассоциировалась с кинодилогией про Максима. Как это было близко и понятно тысячам собравшихся! В то время многие простые люди, рассказывая о собственной жизни, излагали эпизоды из любимых фильмов – в кино все было так похоже на реальность, только гораздо интереснее.

Однако постепенно исполнителей, столь любимых народом, становилось все меньше – время брало свое. Сокращалась и продолжительность представлений. Чтобы как-то поддерживать интерес зрителей к праздникам, мы в Челябинске решили вносить в них местный колорит.

Как правило, концерты в нашем городе обычно проводили столичные режиссеры. Впрочем, однажды подобное мероприятие Челябинская филармония, директором которой был Петр Крамм, поручила провести мне. И я, используя очередной отпуск, целиком отдался «Празднику труда и искусства», с удовольствием погружаясь в его непередаваемую атмосферу.

Но чаще мне приходилось исполнять свои обычные обязанности телевизионного режиссера. Так было и на этот раз.

Итак, один из праздников на центральном челябинском стадионе! Звучит торжественная музыка, подобающий текст и бессмертная фраза прошлых и нынешних ведущих:

– Встречайте!..

Начинает движение кавалькада пролога. Слышны восторженные голоса:

– Ой, девчонки, – Тихонов!

И звучит песня «Парней так много холостых...» из фильма «Дело было в Пенькове», подтверждающая, что девчонки не ошиблись в своем смелом предположении.

Вот в авто с открытым верхом проплывает первая красавица отечественного кинематографа – Алла Ларионова.

– Жена Рыбникова! Жена Рыбникова! – катится по рядам.

Колонна движется, вновь появляющихся узнают... И в общем гуле радости, душевного подъема я вижу на мониторе картинку с камеры, которая захватила хвост кавалькады – последнюю машину, только готовящуюся к появлению на стадионе. Я вижу, как водитель обеими руками вцепился в руль, осознавая всю важность возложенной на него задачи. Он всем видом демонстрирует свою решимость выполнить высокую миссию: торжественно и плавно провезти по беговой дорожке юного героя гражданской войны, любимого каж-

дым южноуральцем – Орленка. Публика не могла не узнать этот образ, талантливо воплощенный в памятнике нашим земляком – скульптором Львом Головницким. Звучат первые аккорды песни «Орленок, орленок, взлети выше солнца и степи с высот огляди...». Робко газует полуторка с откинутыми бортами. В кузове, подобно знаменитому челябинскому монументу, возвышается... нет, какой там возвышается!.. – робко стоит щупленький парень, одетый в старую солдатскую шинель до пят, наверное, чтобы скрыть отсутствие так и не найденной костюмером революционной обуви. Папаха на нем – таких же несуразных размеров – надвинута на глаза и не съезжает дальше лишь благодаря присутствию носа. Лица не видно. А значит, нельзя будет дать спасительный крупный план... И в довершение всего: Орленок обвязан бельевой веревкой... Я даже не успел подумать, как выйти из этой ситуации.

– Вдруг зрители заметят? Юный красноармеец – и бельевая веревка!.. – застучало в висках.

И такая досада взяла на «специалистов», допустивших несуразное переодевание, что захотелось одним махом остановить это торжественное движение!

А машина двигается дальше. И вот Орленок подплывает к гостевой трибуне...

– Ну, сейчас начнется! – думаю я.

Но трибуна в едином порыве встает и аплодирует замершему герою гражданской... И в этот момент я понимаю, как нам повезло: камеры установлены напротив трибуны, и мы можем показать аплодирующих ветеранов войны и труда, ответственных советских и партийных работников. А Орленок в кадр не попал.

По окончании трансляции я подошел к той, последней машине. Возле полуторки стояли водитель и сбросивший шинель «Орленок». Очевидно, после всего пережитого, они дружно курили...

Лицом к лицу

Во времена «прямого эфира» общение со зрителями было частью нашей работы. Молодой читатель может спросить:

– Интернета не было, форумов не было, блогов – тоже! Как же вы общались?

Лицом к лицу! Выезды телевизионных групп в трудовые коллективы были регулярными. Отправляясь на такие встречи, мы готовились отвечать на вопросы о нашей работе, о творческих планах. Сотрудники редакции народного хозяйства подбирали данные о рекордных выработках, надоях... Не обиделись бы мы и на критику. Но зачастую ситуация напоминала ту, которую Василий Макарович Шукшин описал в рассказе «Срезал». Недоценивали мы интеллектуальный уровень нашего пролетариата!

Встает как-то немолодой рабочий и говорит:

– Решил я внука к искусству приобщать. Сели мы смотреть балет. Самый что ни на есть детский – «Лебединое озеро».

– Надо же, – думаем мы. – Как внуку повезло с бабушкой!

– И что я могу после этого малому ребенку сказать? – вдруг возмущается «балетоман».

– Безобидная постановка, – не понимаем мы. – Что случилось?

– А то! У артиста, который принца танцевал, вся, так сказать, аппаратура выпирала... У лебедя ничего не выпирало, а у этого – хоть телевизор выключай... И что я внуку скажу?

– Надо же, – думаем мы. – Как внуку не повезло с дедушкой...

– В общем, если вы мужчин из балета не уберете, буду писать в Москву, – сурово закончил дед.

Неизвестно, что ответила ему Москва, но мы даже не нашли, что сказать. Хотя в других ситуациях не терялись.

На одной из встреч кто-то, уже помоложе, задал такой вопрос:

– Вот, американцы высадились на Луне. А вы этого почему-то не показываете.

Нам, конечно, польстило отождествление местного телевидения со всесоюзным. И принижать свой статус, объясняя, что космос – не наша епархия, не хотелось.

Владимир Николаевич Малахов решил направить ситуацию в правильное идеологическое русло:

– Да, американцы. Но разве важно, что на Луне оказались они, а не мы? Главное, что на другую планету ступила нога человека. Человека!

– Вот вы нам человека и покажите! – настаивали рабочие.

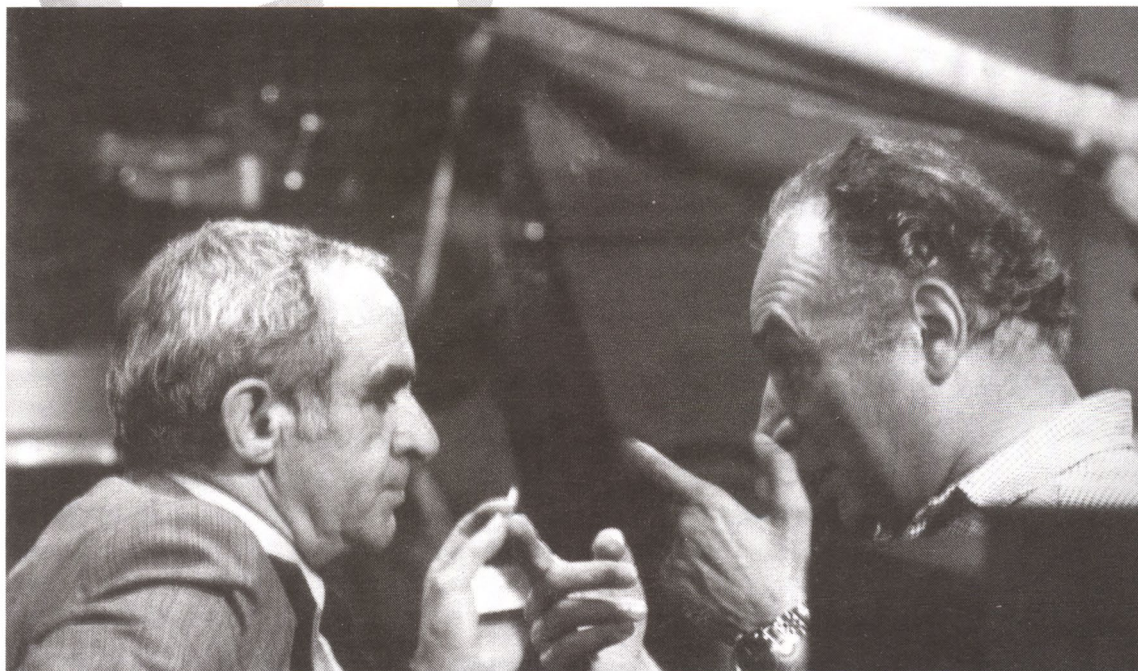
– Этот человек – американец! – напомнил Малахов. – Мы обращались к американскому правительству с просьбой о трансляции. Но они – капиталисты – запросили столько золота, сколько в Советском Союзе не наберется!

В рядах слушателей ощущалось понимание веского аргумента.

– Хорошо, – услышали мы. – Не можете американцев, покажите «Кубанских казаков».

– Только не в десять часов вечера, как обычно, – последовало уточнение из зала. – А то мы на утреннюю смену не высыпаемся.

И руководство цеха эту просьбу поддержало.

Зиновий Ефимович Гердт был прав

Музыкальный фрагмент

Жизнь, в том числе телевизионная, состоит из эпизодов. Однако некоторым из них суждено вырасти до самостоятельного сюжета длиной в десятилетия.

Помню, как на студию пришел руководитель коллектива с музыкантами. Парень был так молод, что все его звали просто Махмудом.

Махмуд Шарафутдинов

Это было его первое выступление на телевидении, поэтому он волновался так, будто ему предстояло выступить в Карнеги-холле.

– Что исполнить? – спрашивает. – Мы играем Баха и татарскую мелодию.

– Не надо метаться между Бахом и народным творчеством, – говорю я. – Иоганн Себастьян не обидится, если его не сыграют. Давай народное!

И в эфире прозвучала прекрасная татарская мелодия. Молодой

баянист по имени Махмуд был красив как бог. Теперь он – заслуженный артист России, народный артист Татарстана Махмуд Абдрахманович Шарафутдинов. Наша дружба продолжается и по сей день...

Мы снимали на киноплёнку детский концерт. Маленькая певица исполняла трогательную песню «Птичка». Подошли к делу серьезно: записали фонограмму – голос и музыкальное сопровождение. А потом под «плюс» стали снимать «картинку». Но музыканты тогда к таким плюсам профессии были явно не готовы. Если исполнительница – девчушка – и попадала артикуляцией в голос, то аккомпаниатор – немолодая учительница музыки – никак не успевала за фонограммой. Снял один дубль – мимо. Второй – тоже не по нотам... Раздосадованный, выхожу в коридор. Вижу мальчика с баяном, он готовится к записи своего номера.

Валерий Ярушин

– Как зовут? – спрашиваю.

– Валера!

– Валера, песенку сыграть сможешь под фонограмму? – отчаяния вырвалось у меня.

Тот даже не спросил, какую. Зашел в студию, сел за рояль и так сыграл, словно сам записывал фонограмму. Даже финальное «блям» под фразу «Птичка улетела» сделал! Да и как мог иначе сыграть будущий заслуженный артист России, композитор, музыкант Валерий Иванович Ярушин?!

Я напомнил ему этот эпизод, когда снимал самые первые клипы «Ариэля»... И вот что интересно: Валерий Иванович всегда играет и поет только вживую.

Окрошка для шниджа

Много незабываемых встреч дарили праздники «Труда и искусства». Один особо запомнился участием прекрасного артиста Евгения Матвеева. Кроме всего прочего, Евгений Семенович оказался заядлым картежником, и, коротая гостиничные вечера во время поездок по области, мы сражались в «кинг». Однажды мне не везло: я проиграл мастеру восемьдесят копеек. После партии мы мирно разошлись готовиться к завтрашнему труду и искусству. А ночью в моем номере раздался стук в дверь.

– Что случилось? – переполошился я.

И услышал голос Матвеева:

– Леонид, верни долг, а то, я чувствую, пропадут мои денежки!

А когда мы возвращались в Челябинск, Евгений Семенович вдруг признался:

– До чего эти гостиницы надоели! Так хочется окрошки домашней! Решение созрело мгновенно – я позвонил сестре.

– Ты такого артиста знаешь – Матвеева?

– Да, а что?

Я говорю:

– Евгений Семенович окрошки захотел!.. Может, приедешь ко мне, сделаешь?

Сестра сначала подумала, что я ее разыгрываю, даже трубку бросила. Но когда я перезвонил, имя Матвеева подействовало. Долго

Евгений Матвеев

сестру уговаривать не пришлось. Пока она хозяйничала на моей кухне, мы на служебной машине подъехали к дому. А во дворе, у подъезда, обычно сидели старушки.

Что такое комитет общественного контроля, особенно понимаешь, когда молод, живешь один, приводишь гостей. В общем, мой статус в глазах общественности был не на самом высоком уровне. И я уже представлял перемену своего положения:

– Сейчас они увидят, с кем иду!

Я даже немного опередил Евгения Семеновича, чтобы подготовить мизансцену. Примчался

к подъезду – никого нет!

– Ничего, подойдет! – думаю. – Надо задержаться!

И начинаю устраивать обзорную экскурсию для гостя:

– Это Дворец спорта, а это Челябинск – город, где я живу, а это...

– Слушай, не морочь голову! – говорит артист. – Окрошки хочется!

Так, не дождавшись аншлага у подъезда, поднялись ко мне на третий этаж. Окрошка получилась прекрасной – под такую было не грех и выпить! Пропустили по рюмочке. Я включил телевизор, а там идет любимый народом фильм «Родная кровь», в котором играют Матвеев и Вия Артмане... И я понял, что все «скамеечницы» сидят у телеэкранов.

– Закончится фильм, – решил я, – бабули появятся!

И вот, по окончании фильма, мы вышли. Я выходил, как театральные актеры выходят на оvationи. Бабули уже были на наблюдательном посту. Матвеев говорит своим характерным голосом:

– Здравствуйте, девочки!

А девочки, срывающимися от волнения и неожиданности голосами:

– Здра-а-а-а-вствуйте-е-е-е...

И не могут понять, каким образом их кумир из телевизора попал сюда, на Свердловский проспект.

А когда мы с Матвеевым после окрошки возвращались в гостини-

цу пешком, прохожие оглядывались, узнавая популярного артиста, любимца всех женщин. И это было так явно, что я решил пошутить:

– Евгений Семенович, сейчас, наверное, все смотрят и думают: кто это с Пивером идет?

Актер долго смеялся...

P.S. После этой встречи «общественный контроль» моего подъезда ослабил свою бдительность.

Не торогай!

Отношения телевидения и Челябинского театра оперы и балета имени М.И. Глинки всегда были особыми. Во-первых, зрелищное учреждение и средство массовой информации являлись почти ровесниками. Ну, не считать же серьезным преимуществом театра лишние два года!.. Во-вторых, меня не покидало ощущение, будто студия является филиалом оперного. Да и мог ли иначе представлять эту ситуацию режиссер редакции музыкальных и развлекательных программ! Казалось, каждый член труппы побывал у нас, на телевидении. Артистам очень нравилось телевизионное внимание. Хотя бы потому, что они моментально становились знаменитыми, ведь аудитория телеэфира – вся область. Со многими мэтрами челябинской оперной сцены я познакомился, когда те еще были молодыми, начинающими, подающими надежды. Это были, в основном, выпускники московской, ленинградской и свердловской консерваторий, челябинского музыкального училища.

А мы, хотя «консерваторий и училищ не кончали», были полны желания выглядеть достойно перед представителями творческой интеллигенции обеих столиц. И иногда это удавалось. Но чтобы достойно снимать спектакль, особенно оперный, нужно было знать, понимать, видеть и слышать всё представление целиком. Наша съемочная бригада – режиссер, оператор, звукорежиссер – ходила в театр, чтобы увидеть, запомнить, прикинуть. Кто еще мог в те времена сказать домашним, уходя на ночь глядя:

– Я пошел на работу!

И на вопрос:

– Куда?

Гордо бросить:

– В театр!

А мы могли.

Оперный манил, звал. Нас устраивали в директорской ложе, в знак особого уважения. Но из директорской была видна лишь правая половина сцены – об остальном можно было только догадываться. Однако мы терпели творческие неудобства ради поддержания своего реноме. Как льстило самолюбию это пребывание в директорской ложе, гарантировавшее пристальное внимание зала.

Помню, петь заглавную партию в постановке «Евгения Онегина» был приглашен баритон из ленинградского Кировского театра. Зритель во все времена любил оперу Чайковского, и на этот раз зал был переполнен.

Действие разворачивалось, как обычно. Да и что неожиданного может быть в сюжете, известном каждому со школьной скамьи?

Вот прозвучала увертюра. Распахнулся занавес. На сцене – огромные ворота усадьбы Лариных. Причем ворота не бутафорские, фанерные, а – металлические. По ходу действия массовка направляется в дом хозяев. Дворяне – люди интеллигентные – через заборы не лезят. И не успевают артисты чинно-благородно прошествовать сквозь монументальное сооружение, как оно начинает медленно-медленно клониться, в финальной стадии ускоряя свое движение до скорости звука... Грохот. Кажется, сцена исчезла под оркестровой ямой. Клубы пыли...

Занавес закрывают. Минута молчания... Из тишины возникают какие-то стуки, реплики. Чей-то пронзительный голос выкрикивает простую фамилию, не указанную в театральной программке. В ответ несетя короткая фраза, смысл которой понятен каждому, даже не знакомому с либретто великой оперы...

Но через некоторое время спектакль возобновляется. Опять звучит увертюра, снова господские гости преодолевают ворота... И, судя по тому, как легко, гордо и весело шествуют артисты, все понимают: ворота будут стоять вечно.

Становится понятным также и то, что все разговоры об отрицательном влиянии волнения на голос – ерунда. Артисты поют просто превосходно.

Наконец, наступает черед знаменитой сцены письма Татьяны Евгению Онегину. Помните, у Пушкина: девичья комната, горит свеча. Представляю, как эффектно будет выглядеть в телевизионном варианте «Я к вам пишу...». Солистка, как и все оперные солистки, не слишком subtilная, воплощая режиссерский замысел, перебирается к окну... Изображая каждым обертоном голоса душевное смятение, кладет руку на декорацию. И тут декоративная стена помещичьего дома качнулась... В полной тишине умоляю:

– Не трогай!

Мне казалось, сказал шепотом.

Но голос у меня – не тенор. Плюс прекрасная акустика оперного... И потом, я красуюсь в директорской ложе... В общем, мое «не трогай!» прозвучало. Пауза по напряженности соответствовала заветам Станиславского... И вот уже публика рыдает от смеха. Я выскакиваю из зала.

Спектакль, конечно, доиграли. Но я досматривал постановку из последнего ряда балкона, устроившись среди «студентов и разночинцев», как часто показывают в старом дореволюционном кино.

Симфония для канделябра с оркестром

Итак, на календаре – конец 50-х годов прошлого века. Впрочем, это не так уж важно – у нас не летопись, а воспоминания! В моей трудовой книжке запись «режиссер». И это звучит гордо.

В Челябинск приехал мэтр, знаменитый дирижер, народный артист Советского Союза, лауреат многочисленных премий Натан Григорьевич Рахлин. Маэстро уже в возрасте, наверное, поэтому с ним супруга, которая его очень оберегала. Какая это была трогательная пара!.. Впрочем, разговор не о личной жизни, – вечером должна была прозвучать «Неоконченная симфония» Гайдна. Однако условия нашей студии и аппарата просто не годились для записи живой музыки. Магнитофоны и те были однокорректными. Поэтому приходилось работать под фонограмму, как говорят профессионалы – под плюс. И даже в двадцать первом веке не надо этому ужасаться. Потому что мы, в отличие от западных специалистов, только сейчас научились работать с живым звуком.

Но то было тогда. Записываем фонограмму «Неоконченной симфонии» Гайдна. Оркестр – в студии. Здесь же один оператор наблюдает за происходящим, чтобы позже, при записи картинки ориентироваться в материале. У нас вообще никогда не было суеты, беготни, свидетелем которых я становился, оказываясь в московских студиях.

Натан Рахлин

Обстановка – тихая, рабочая. Никаких телевизионных крапов и прочих столичных съёмочных аксессуаров. И музыкантов, не любивших кутерьму, резких движений, такая ситуация вполне устраивала.

На пульте – звукорежиссер, микрофоны выставлены, ассистент в боевой готовности.

И главный – я, специалист по музыке, знаток разных неоконченных симфоний.

– Начинаем запись. Внимание! Мотор!

Маэстро дает вступление. Около десяти секунд льется чарующая музыка, вступает валторна...

– Стоп, стоп! – внезапно командует Рахлин. – Здесь не та нота!..

Я хорошо знал этого валторниста из оркестра нашего Театра оперы и балета имени Глинки. В те годы оркестранты зарабатывали мало, как, впрочем, и сейчас. Духовики-то были в привилегированном положении: могли подрабатывать, так сказать, в сфере ритуальных услуг. Но, естественно, даже частое соприкосновение с человеческим горем не дает права осквернять фальшивкой бессмертную музыку!

– Еще раз! – взмывает дирижерская палочка.

– Мотор! – отзываюсь я. – Дубль два!

– Ваам-парам-пари! – отзывается оркестр.

Доходим до партии валторны, – опять неправильно!

И тут у меня возникает гениальная мысль:

– Натан Григорьевич, – предлагаю я, – в фонотеке областного радио есть запись вашего оркестра с этой симфонией! Представляете, звучать будет другой оркестр, а наш – просто имитировать исполнение в кадре!

Я думал, что маэстро просто умрет от счастья! И валторнист, наконец, выдаст свой основной репертуар!

А Рахлин спокойно так говорит:

– Нет, нет, ну что вы, друг мой, нет, нет, это неприлично... Давайте еще разочек!

– Мотор! – вступаю я. – Дубль три!

Звучит спасенный оркестр, дело доходит до валторны... И я чувствую, что сыграно так же, как и в предыдущих дублях!

– Стоп! – вырывается у меня.

Оркестр замирает. Становится тихо настолько, что я слышу свои мысли:

– Боже мой! Что я наделал! Народный артист Советского Союза, лауреат Сталинской премии продолжает запись, а я останавливаю!

Мне, еще только начинавшему на телевидении, показалось, будто музыкант опять ошибся.

И вдруг, среди этого потока мыслей:

– Как зовут молодого человека? – обращается Рахлин к оператору Игорю Бузуеву, второму большому специалисту в области неоконченных симфоний.

В моем сознании проносится вся моя жизнь, показавшаяся такой мелкой, незначительной:

– С улицы взяли, на улицу и выгонят! И что я буду делать без любимой работы? Как жить?

– Леонид! – между тем радостно сообщает оператор, которому, как и многим, я досаждал наставлениями во время съемок.

И Рахлин повторяет радостно:

– Леонид!

– Да, – отвечаю «уволенным» голосом.

– Лёничка, – продолжает он. – Лёничка, спасибо, а то я никак не мог с ним справиться!

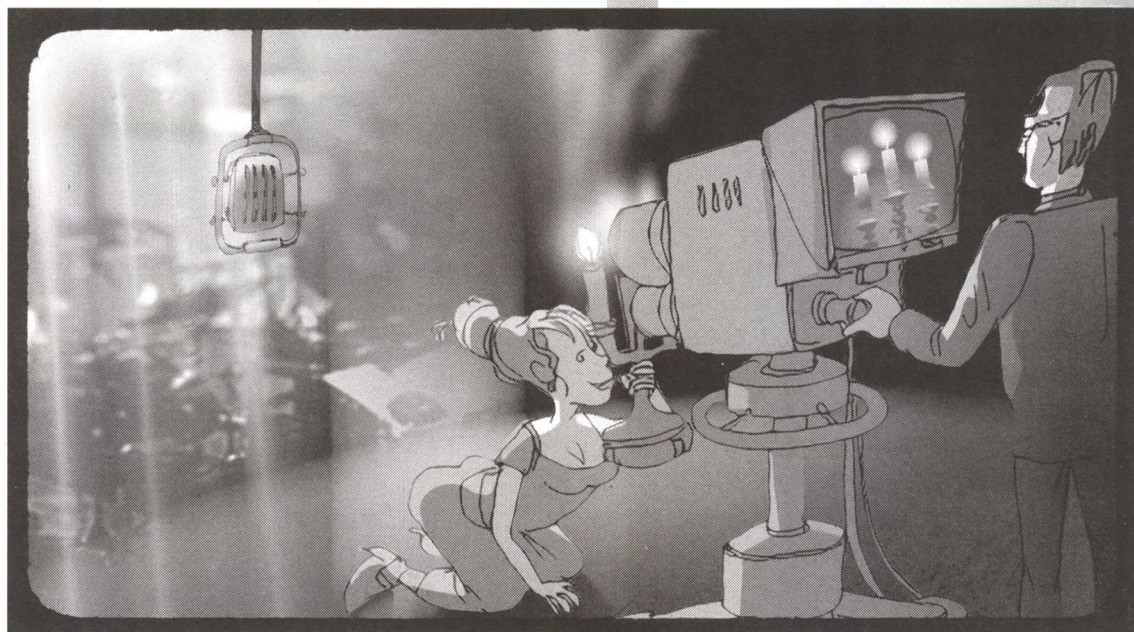
Поднялся хохот. Смеялся оркестр, смеялся даже оператор, не дождавшийся на этот раз моего увольнения. И моя жизнь опять потекла в творческом удовлетворении...

Здесь можно было бы поставить точку, или, как говорят режиссеры, стопнуться. И ощущение незавершенности выразило бы полное соответствие моего рассказа «Неоконченной симфонии». Но, в отличие от Йозефа Гайдна, создавшего бессмертное творение в знак протеста против сумасбродства покровителя – графа Эстергази, я никому и ничего не пытаюсь доказать. А пробую только рассказать!

И тут нельзя не рассказать (прошу прощения у читателей, сведущих в классической музыке!), что по воле автора «Неоконченная» исполняется при свечах, зажженных на каждом пульте. И, по мере приближения произведения к финалу, исполнители, отыграв партию, гасят свечу и уходят со сцены. Создается необычайно эмоциональная обстановка: уходит медь, задув свечи, уходят скрипки... В общем, публика, как правило, рыдает.

И когда мы записывали картинку для рахлинского исполнения, хотелось передать эту волнующую атмосферу. Но как? О свечах не могло быть и речи – их бы просто не заметили в свете студийных софитов, по яркости соперничавших с дуговой сваркой. Тогда вспомнили про канделябр, завалившийся в реквизите. И помощнику режиссера весь эфир пришлось ползать под камерами со старинным осветительным прибором и, по моей команде, когда очередной музыкант покидал сцену, взмахивать им перед объективом. Зритель замечал мелькнувший в кадре канделябр и понимал, что имелось в виду.

Так, изобретательностью, граничащей с художественным хулиганством, мы компенсировали скудость технического арсенала.

С Мстиславом Ростроповичем

«Амани» в студию

Мы не догадывались, но та гастрольная поездка Мстислава Ростроповича была последней перед вынужденной эмиграцией. Из сообщений газет, радио и телевидения невозможно было понять, что происходит. Мелькали фамилии Ростроповича, Вишневской, Солженицына, но в чем дело – никто не знал.

Оркестр Мравинского в полном составе, с солистами, среди которых был великий русский виолончелист, приехал к нашим соседям – в Курган, чтобы выступить в непривычном качестве. Музыканты неделю трудились на строительстве ортопедического центра Г. А. Илизарова, где в это время лечился великий русский композитор Д. Д. Шостакович. Неизвестно, играл ли оркестр на стройке или музыканты носили раствор и кирпичи, но Челябинская филармония договорилась с маэстро о концерте в студии. Все с нетерпением ждали этого события, а режиссеры музыкальной редакции находились в отпуске. Лично я рыбачил на озере Тютняры.

Так, в рыбацком снаряжении, которое не слишком отличалось от театрального, я и примчался на студию, разорившись на попутную машину.

Через полчаса приехал маэстро.

– Мстислав Леопольдович, это режиссер, – представили меня.

И сердце захлестнула волна радости, когда великий артист заключил меня в объятия.

Правда, потом, из воспоминаний Галины Вишневской, я узнал, что ее супруг дарил это необычайно теплое, дружественное объятие всем знакомым, малознакомым и незнакомым людям.

А тогда – маэстро репетировал, мы готовили студию. Во время непродолжительного отдыха перед началом записи я подошел к инструменту. Виолончель небрежно лежала на стуле, и я хорошо рассмотрел инструмент гения. Он был старым, обшарпанным. Казалось, передо мной – участница сцены драки из знаменитой комедии Г. Александрова «Веселые ребята». Место, которого касалась рука маэстро, было словно изодрано тигриными когтями.

И я решил пошутить, но не как с мировым гением, а как с одногодком:

– Мстислав Леопольдович, вы такой великий музыкант, а у вас такой инструмент...

– Да, это ужасно, друг мой, – согласился Ростропович. – И тем более ужасно, что это Амати...

Ну, кто такой Амати, я уже знал. Включив воображение, я представил, как пять веков назад, в Кремоне, старый седой мастер при тусклом свете свечи нежно трогает струны, проверяя звучание сочиненного им дивного инструмента.

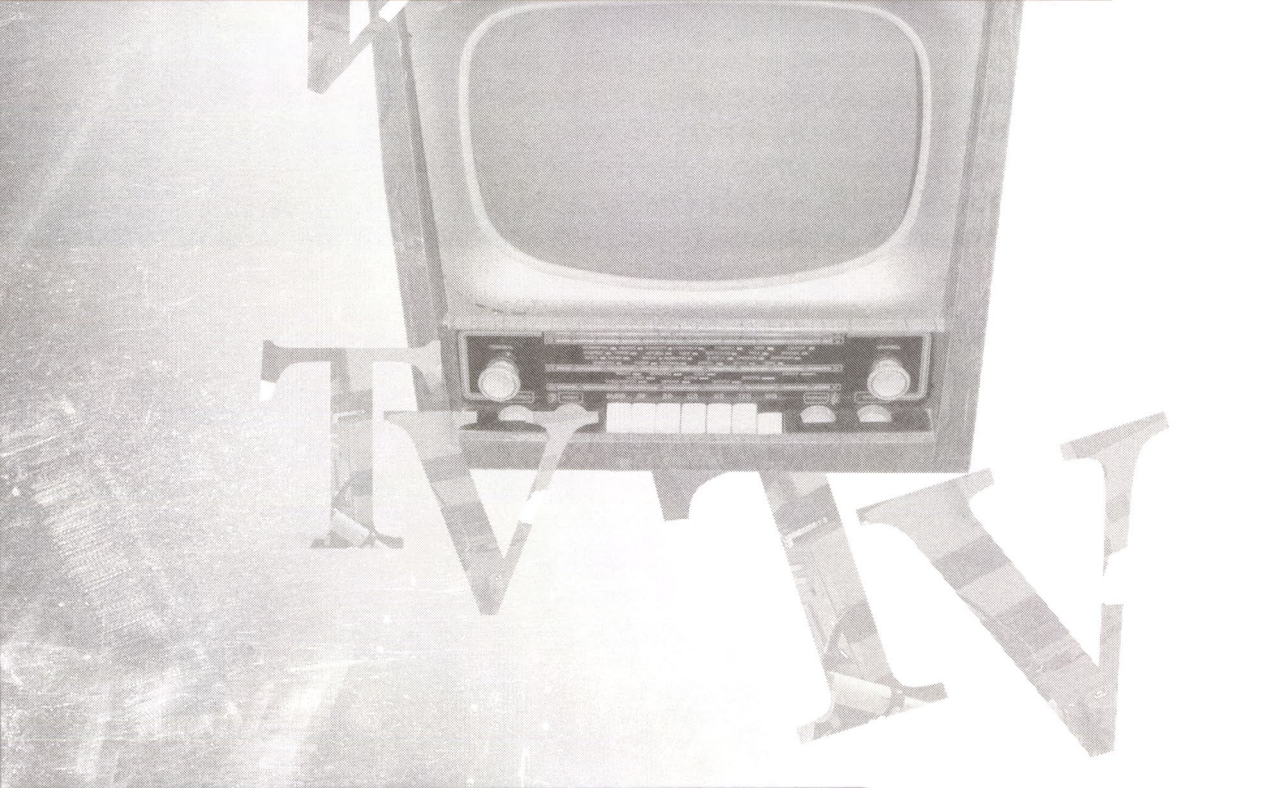
– И цена его восемьсот тысяч долларов... – продолжил маэстро.

Тут мое воображение отключилось. Как выглядит без малого миллион долларов, я не представляю до сих пор. Так что не ищите меня в списках Форбса!

TV

TV TV

Тут вошел он

В 1958 году в стране широко отмечался юбилей комсомола. Мы тоже не могли отстать от страны. Благо в то время многие участники исторических событий были еще живы. Они с удовольствием встречались с молодежью, делились воспоминаниями. Нам не составило труда отыскать в городе двух делегатов самого первого съезда комсомола, пригласить их в студию. Тогда это была еще малая студия, маленькая площадка. Но отметить событие хотелось грандиозно.

Чтобы оживить студийный интерьер, соорудили шалаш – не бутафорский – настоящий. Поставили два пенька, чтобы хоть как-то приблизить ту атмосферу, в которой, по нашему мнению, и должен был зародиться будущий союз молодежи. Привезли из ближайшей школы третьеклассников в галстуках и белых рубашках. Окружившие ветеранов ребяташки радовали глаз, одновременно являя грядущую комсомольскую смену. И последнее было идеологически правильным.

Договорились, что первой на программе выступит Клавдия Ивановна, а после слов «Тут вошел он!» продолжит Николай Васильевич.

Прозвучало, как обычно:

– Внимание! Эфир.

Ведущая отрапортовала:

– Сегодня у нас в студии ветераны ВЛКСМ...

И Клавдия Ивановна начала делиться воспоминаниями. Делилась она долго. Почти столько времени, сколько прошло со дня памя-

ного съезда. У пионеров, сидящих под нашими софитами, уже пот стекал ручьями.

А ветеранша не умолкает. И вдруг, сквозь пламенную речь, слышу храп.

– Что такое?! – кричат на пульте.

– Ветеран заснул! – понимаю я.

Наконец, звучит пароль:

– Тут вошел он...

В ответ – только храп. Разморило старичка.

Клавдия Ивановна, не получив поддержки, усиливает посыл:

– Тут вошел он! Николай Васильевич, вы, конечно, его узнали...

Храп.

Она громче:

– Николай Васильевич! И тут вошел он...

– И мы его все узнали... По лысине! – молвил внезапно проснувшийся Николай Васильевич.

– Всех разгонят! Поубивают! – хаотично соображал я. – За что? Что плохого я сделал комсомолу?

Между тем гости напропалую пустились в воспоминания. Всплывали фамилии, явки, пароли... Я отчетливо представил выражение лиц сотрудников курирующей нас организации.

– Там был... – Клавдия Ивановна называет фамилию, – помните, он потом оказался провокатором...

– Не может быть! Я его видел в прошлом году на рынке...

Забыв о том, что старикам везде у нас почет, прошу оператора, стоящего ближе к участникам:

– Сережа, покажи, чтобы закруглялись!

Сережа руками показывает ветеранам большой круг.

– Это куда? – спрашивает Николай Васильевич.

И, поймав окончание очередной фразы, мы убрали картинку. Дали песню «Взвейтесь кострами» и на оптимистической ноте ушли из эфира.

...С тех пор я настороженно отношусь к ветеранам. В том числе, и к себе.

Утро туманное

В 60-е годы популярных артистов мы часто видели по центральному телевидению. Их популярность была невероятной. Но когда звезды появлялись в провинциальных студиях, то с удивлением обнаруживали полное отсутствие суматохи и возгласов:

– Ой, это вы?

У провинциалов собственная гордость...

Однажды в Челябинске гастролировал народный артист СССР Борис Штоколов – прекрасный певец, гордость отечественной оперной сцены. И между прочим, наш земляк, уралец. Тогда Штоколов был еще молод, но уже выглядел чрезвычайно представительно.

Когда он пел, его бас словно обволакивал слушателя. Микрофоны уважают такие голоса.

И вот, перед началом телепрограммы, Борис Тимофеевич признаётся:

– Ребята, я люблю крупные планы!

А я, уже немного попритершийся к «звездам», не спорю:

– Замечательно! Всё дадим крупным планом. А как же...

По графику подается команда в студию, светится табло «Микрофон включен» – передача начинается. В кадре идет средний план, хороший свет – черно-белый, который мне так нравится, микрофон работает...

Звучат несколько произведений. Увлечшись, я совсем позабыл о крупном плане...

Борис Штоколов

Диктор объявляет:

– В заключение исполняется старинный русский романс «Утро туманное».

Звучат первые аккорды. Вступает голос певца... Нивы, согласно тексту, печалятся... И тут я, вспомнив про крупный план, имею неосторожность скомандовать оператору:

– Наезжай!

Камера едет.

– И еще немножечко... Стоп!

Камера замирает. В мониторе наблюдаю «поясной» план исполнителя, слышу строки рвущего сердце романса... Потом замечаю изменение ракурса... Камера

опять идет на укрупнение.

– Куда? – торможу оператора.

Он бормочет в микрофон:

– Лично я – никуда, это меня...

А монитор по-прежнему заполнен крупным-прекрупным планом народного артиста. Вот объектив сканирует мощную грудную клетку...

Я – опять к оператору, еще настойчивее:

– Отъезжай!

– Не могу, – злится оператор. – Он камеру к себе тянет!

И тут я соображаю, что происходит. На старых студийных аппаратах спереди, ниже объективов, как хобот у слона, торчал толстый кабель питания. И Штоколов, то ли в творческом экстазе, то ли из любви к «крупнякам», схватился за этот электрический шланг, а объектив-то был широкоформатный.

Техники в панике:

– Лёня, мы видим печень!

Я кричу оператору:

– Отъезжай!

И вижу, как между ним и певцом начинается нечто вроде состязания по перетягиванию каната. Причем оператор тянет сознательно, а Штоколов, похоже, бессознательно. Он-то не видит, что происходит

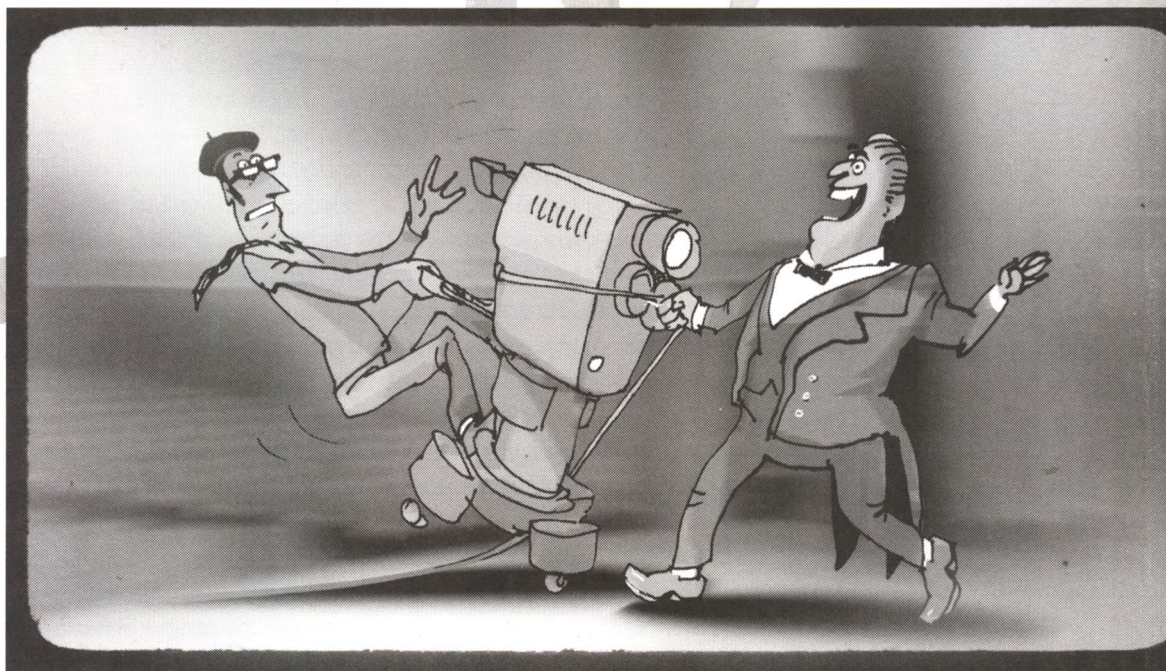
в кадре. А мы видим огромное небо певца и другие детали вокального аппарата – в общем, цех по производству «Утра туманного», хотя смотреть это было невозможно. Наконец, оператор вырвался, отъехал, но камера еще долго дергалась, словно не могла отдышаться. Это было невероятно!

Борис Тимофеевич, несмотря на то, что очень скучал без соседства камеры, достойно закончил романс. И потом, уже за кадром, спросил:

– Ну, как получилось?

Что можно было сказать дорогому гостю?

– Замечательно! Крупные планы – просто прелесть, – отвечал я. Но оператор и камера еще долго не могли успокоиться.

За одним столом
с Сергеем
Эйзенштейном

В конце шестидесятых мы решили пойти на эксперимент. К этому времени, имея опыт телевизионных съемок, небольшую практику кинопроизводства, мы решили снять произведение, о котором написали бы в афишах: «Смотрите цветной художественный фильм».

В художественном совете было много дискуссий. Кто-то предложил снять полнометражный цветной фильм об уральских золотоискателях с метражом примерно час-час двадцать. И когда уставшая комиссия уже почти решилась на это предложение, вспомнили, что Москва нам выделила пленки всего на две киночасти – ровно двадцать минут. «Золотой лихорадки» не получалось...

На следующий день комиссия продолжила заседание. Было решено снять недавнюю премьеру Челябинского театра оперы и балета имени М. И. Глинки – спектакль «Болеро» на музыку Мориса Равеля. Время балета и количество пленки совпадали. Спектакль шел 18 минут и четыре секунды. Сделанный выбор был явным признаком высокого профессионализма нашего худсовета.

И началось! Те, кто видел фильм «Время, вперед!», могут представить себе размах строительных работ. Сооружался громадный деревянный помост, имитирующий сцену оперного театра. К этому времени студия заполучила профессиональную кинокамеру «Родина». Нам, привыкшим к портативным съемочным средствам, эта камера казалась необъятной, как и сама наша страна.

Кажется, каждую секунду съемок я помню до сих пор. Работали по ночам, когда в студии заканчивались программы. Актеры приходили на телевидение после вечерних спектаклей.

Оформление, представлявшее, по нашему мнению, испанскую Севилью, делали «вскладчину»: декорации взяли в театре, а «хлопушка» была наша.

– «Болеро», дубль один!

– «Болеро», дубль два!

Танцовщики были молоды, энергичны. Они испытывали эмоциональный и творческий подъем уже оттого, что впервые записывались на телевидении. Даже усталость от ночных съемок не отражалась на общем уровне накачивавших чувств.

И так продолжалось десять ночей. Потом двадцать дней монтажа. И все это время звучала музыка Равеля: ба-ба-ба-бам – ба-ба-ба-бам – ба-ба-ба-бам. Вот это, скажу я вам, пытка! Даже в средневековье не было более изощренных истязаний. Ба-ба-ба-бам – ба-ба-ба-бам – ба-ба-ба-бам!!! Не верите, – послушайте!

И наконец прозвучало:

– Снято!

Девушка с «хлопушкой» заплакала... Это были слезы радости.

Полет души закончился – начались банальные телевизионные проблемы. Например, студийный проявочный комплекс не позволял обрабатывать цветную киноплёнку. Возникли сложности с монтажным столом. Проявка, копирование, сведение...

– Куда мы влезли? – паниковал я. – Это целая индустрия... Надо ехать в Голливуд!

Ближе всего к Голливуду оказался Куйбышев (Самара), где дислоцировалась студия документального кино. Там можно было проявить пленку, но не было возможности смонтировать. Так, радуясь, что и Куйбышев – тоже не Голливуд, мы с ассистентом отправились на вокзал.

Очередную схватку за Равеля мы выиграли у проводницы: в вагон нас не пустили, поскольку пленка была горячей. Ее полагалось сдать

в багаж, оплатить провоз... А все, что касалось оплаты наличными, при социализме приравнивалось к государственной измене... И тут меня озарила очередная творческая находка: рулоны пленки были извлечены из коробок, делавших ее негабаритной, и растолканы по чемоданам.

Оказавшись в купе, мы разместили чемоданы с бесценным содержимым под нижними полками. И когда устроились на этих полках, то почувствовали себя, как на пороховых бочках.

В Куйбышеве пленка была проявлена, с нее был сделан позитив, призванный при монтаже спасти оригинал-негатив.

А монтировать фильм пришлось в Алма-Ате. Среди казахстанской экзотики я оказался впервые. Но даже знаменитые манты попробовать не успел – безвыходно сидел с оператором в монтажной. Спустя неделю работа подошла к финалу. Событие было скромно отмечено в местном ресторане. Какое счастье! – у оркестра в тот день был выходной. И мы с Равелем отдохнули!

На утро был назначен просмотр. Спускаемся в фойе – а там толпятся люди. И их настроение совсем не соответствует нашим радостным лицам.

– Что случилось?

– Юрий Гагарий погиб!..

Просмотр, естественно, отменили. Мы тихо вернулись в Челябинск.

Спустя какое-то время наш фильм показали. Кто-то из музыкантов-профессионалов заметил, что в паре мест не стыкуются картинка и музыка. Ну, профессионалам виднее. Зато никакие профессионалы не смогли понять, что балетное действие было снято одной камерой, в одной студии и с одной точки!..

И еще один штрих. В финале этой длинной истории я хочу вспомнить монтажную комнату алма-атинской киностудии. И табличку у входа: «Здесь великий советский кинорежиссер Сергей Эйзенштейн монтировал вторую серию фильма „Иван Грозный“». Тот фильм не понравился Сталину и не вышел на экран. К счастью, наш фильм не разделил эту печальную участь. Челябинский зритель его принял. В конце концов, кому-то должно было повезти...

Серьезный разговор с Вероникой... Леонид Пивер и эстрадный дуэт Вероника Маврикиевна и Авдотья Никитична (Вадим Тонков и Борис Владимиров)

Были ли в вашей семье Шерлок Холмс?

Конечно, поклонники классического детектива знают, что великий сыщик практически безвыездно жил в Лондоне, на Бейкер-стрит, 226-Б. Но в деятельности детектива известен период, когда место его проживания кардинально изменилось.

Все началось с того, что в начале восьмидесятых ко мне обратился наш инженер Юра Татаринов:

– Лёня, есть у меня польский журнальчик «Пшекруй»...

А надо сказать, что немногое из стран так называемой народной демократии тогда разрешалось. Вспомнить хотя бы знаменитый Кабачок «13 стульев» на Центральном телевидении.

– ...Сиграми и криминалистическими задачками на сообразительность, – продолжал Юра. – Главные действующие лица – инспектор полиции Варнике и сержант, его помощник...

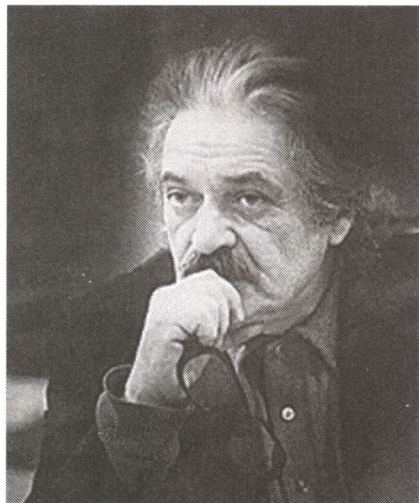
И, читая в моих глазах интерес, предложил:

– Хочешь, переведу?

– Ты знаешь польский? – удивился я.

– Нет, но перевести могу!

А кто тогда не владел любым иностранным со словарем? В общем, Юра сделал доступными для нашего понимания игры братского в то время народа.

Арон Кербель

Идея цикла журнальных детективных историй была несложной. Конечно, для ее воплощения требовалась определенная доля читательской наблюдательности, логики, дедукции, психологии... Но весь набор – в рамках среднестатистического интеллекта. Например, мнимая жертва преступления рассказывала, как преступник ворвался в комнату, но пронизательный инспектор обнаруживал, что дверь в комнату открывалась совсем по-другому. Значит, врет – значит, преступник. Были и еще любопытные истории...

В общем, мы решили переселить Варнике на местную почву, инсценировав некоторые эпизоды блестящей сыскной карьеры. А поскольку передача была адресована широким зрительским массам, то малоизвестного в народе инспектора заменил знаменитый сыщик. И название родилось соответствующее: «Есть ли в вашей семье Шерлок Холмс?». Свои истории мы старались наполнить приметами челябинской жизни, дописывая и переписывая журнальные тексты.

Вот наш Шерлок Холмс ловит преступника, который скрывается в геологическом музее. И на вопрос сыщика: «Что вы тут делаете?» – отвечает, что пришел полюбоваться виденным здесь в прошлом году минералом. Но инспектору-то известно, что таких минералов на Урале нет и в помине. Значит, врет – значит, преступник.

Моим соавтором в части сценария стал Самуил Гершуни, редактор по должности, прекрасный человек по призванию, фронтовик. Инспектора играл актер нашего драматического театра народный артист России В. Коноплянский, но первым исполнителем этой роли стал Арон Михайлович Кербель, который не был профессиональным артистом, но, преподавая в институте культуры, прекрасно знал театр и кино, а кроме того, обладал колоритной внешностью. Всё это вкупе способствовало успеху программы.

После эфира первой передачи нам позвонили из ближайшего почтового отделения:

– Что случилось? Почему столько писем?

Бедным почтальонам пришлось доставить на студию больше тысячи конвертов, пакетов, свертков... Дедуктивные способности демонстрировали все: от первоклассника до доктора наук. Наш кабинет был завален корреспонденцией. Возникало ощущение, будто в каждой челябинской семье есть Шерлок Холмс.

В общем, знаменитому сыщику в Челябинске понравилось. Наша затея стремительно набирала популярность. В съемках участвовали челябинские актеры и заезжие звезды. В одной из серий допросу вездесущего инспектора подверглась Анне Вески и в подтверждение алиби пела на эстонском языке.

Исполнители менялись, передачу, в соответствии с законами детективного жанра, то убирали из эфира, то восстанавливали. Но Шерлок Холмс жил.

Как раз в то время работал в Москве бывший наш ассистент режиссера Виктор Крюков. Он стал известным режиссером, одним из создателей популярной программы «Веселые ребята». А однажды позвонил:

- Знаете, я предложил Шерлока на Центральное телевидение.
- А они? – поинтересовался я без особого энтузиазма.
- Заинтересовались.

Так я поехал в столицу с несколькими нашими сценариями...

И вот я на Центральном телевидении. Мы делаем нашу программу, которую почему-то назвали «Игра в детектив».

Конечно, первые дни пребывания на Центральном – сплошные потрясения. Аппаратура, суета... Под кабинет инспектора была выделена специальная студия. И едва только я пришел в себя после установки декораций, как слышу:

- Леонид Григорьевич, надо проводить кастинг.

Я постеснялся спросить, что такое «кастинг». Конечно, про отбор актеров я знал, но с этим заморским словом не сталкивался.

- Мне бы сначала на актеров взглянуть, – говорю.

- В тринадцатую комнату, – посылают меня.

Захожу, а там – картотека, с адресами, телефонами...

- Ну, думаю, сейчас с ними пошучу.

Перебираю карточки... Рядом – женщина-ассистентка. Сидит тихо, творить не мешает...

- Инспектор... – вслух думаю я. – Инспектор...

- Мне кажется, – обращаюсь к даме, – с этой ролью неплохо бы

Евгений Евстигнеев, Борис Крюков и Леонид Пивер

справился Евгений Евстигнеев... Нет, только Евстигнеев! Именно Евстигнеев!

Дама пишет...

– А помощник, – продолжаю резвиться, – лучше всего удастся Леониду Ярмольнику.

– Ну, – думаю, – сейчас у дамы терпение иссякнет...

И готовлюсь услышать надменное:

– А пойдите вы вон, Пивер!

Вместо этого:

– Так и запишем – Леонид Ярмольник.

Я не унимаюсь:

– Генри Фокс – Владимир Сошальский. Ведущий – Юрий Яковлев.

Дама:

– Сошальский. Яковлев.

– Служанка – Ирина Розанова, – продолжаю я виртуальный кастинг.

– Ирина Розанова – служанка, – пишет ассистентка.

– Господи, – думаю, – ну откуда ей знать, кто такая Розанова? Ведь та только начала появляться на театральной сцене.

И тут мне попадается карточка – «Светин». Кого же дать сыграть выдающемуся комику?.. Не проблема, напишем нового персонажа! Впрочем, знаю, что Светин живет в Ленинграде.

– Светин! – говорю я твердо.

– Светин, – пишет ассистентка без всякой интонации.

– Он же в Ленинграде, – подсказываю я.

– Ничего, есть ночной поезд «Красная стрела», – строчит дама.

И завершает:

– Я всё передам!

Кому и что она передала, не знаю, но через пару дней меня приглашают на встречу с актерами.

– С какими актерами? – пугаюсь я.

– С теми, которые прошли у вас по кастингу.

– Боже мой, – думаю я. – Пропал! Это с нашими артистами я чувствовал себя спокойно... А что я скажу самому Евстигнееву?

Оказалось, волнения были напрасны. В назначенное время действительно собрались актеры, о которых я и мечтать не смел. Замысел передачи и весь материал понравились. Начали репетировать.

– Хватит репетировать! – вдруг говорит Евстигнеев.

И мы стали снимать «набело» по фрагментам. Когда «Игра в де-

тектив» была готова, ее увидела вся страна. Большой части СССР понравилось. И я вернулся домой.

Сделали в Челябинске еще несколько программ. Они по-прежнему пользовались успехом. Возможно, потому, что наш детектив объединял людей не только приключениями. Однако мы все яснее понимали, что продолжать делать передачу в существующих условиях невозможно. Кем мы были? Провинциальным телевидением с вечным дефицитом времени, пленки, помещений... Смонтированные для Шерлока декорации каждый раз приходилось стремительно разбирать, поскольку с коварством профессора Мориарти по графику подкрадывалась программа «Кукурузоводство в области»...

Не всегда великие сыщики погибают в схватках с преступниками. Иногда они умирают своей смертью. И как-то незаметно наш «Шерлок Холмс» ушел на покой...

А у меня на душе неспокойно до сих пор. В то время тотальный дефицит всего заставлял стирать прекрасные концерты, спектакли, представления, поскольку требовалась магнитная лента для новых записей. Зритель любит новенькое... Представляю, скольких ценнейших документов не досчитаются историки культуры.

А студийные архивы! Помните надпись в конце почти каждого советского художественного фильма: «Снят на пленке Шосткинского химкомбината»?.. Будто по качеству нельзя было понять: не «кодак». Кроме всего прочего, «шостка» прекрасно горела. И однажды поступила команда пожарных: с архивных лент смыть и сдать фотослой, содержащий серебро, а целлулоидную основу – сжечь!.. Мне, уже немолодому человеку, хотелось плакать...

А еще мне очень хотелось сделать так, чтобы провинция была лишь местом жительства, а не образом жизни. Я старался сделать все, что мог.

Леонид Утесов

Клавдия Шульженко

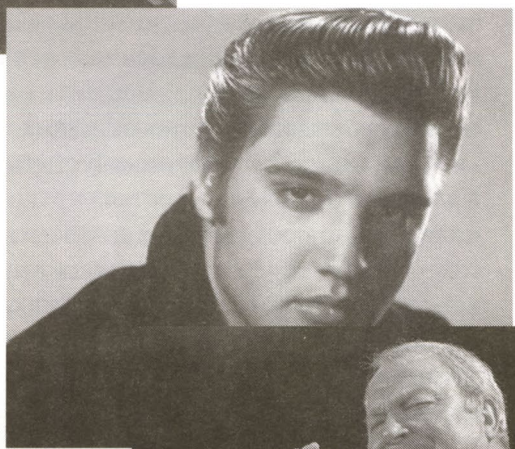

Лайза Минелли

Элвис Пресли

Олег
Плотников

Барбара Стрэйзанд

Игорь Бурко

Фрэнк Синатра

NP

NP

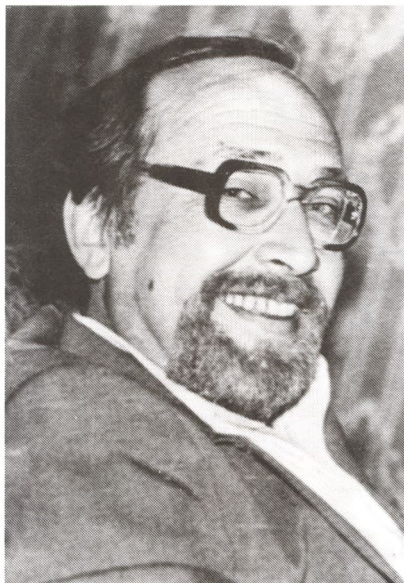
С проблемами и без

Как пишут классики, шли годы, менялся коллектив. В восьмидесятые на студии стали появляться люди со специальным образованием из свердловских, ленинградских ВУЗов и выпускники гуманитарных факультетов местных учебных заведений. Сложнее и интереснее становились телевизионные программы. Мы, будучи сугубо практиками, в волнении стали присматриваться к молодежи внимательнее... И – успокоились.

Телевидение – специфический вид искусства: то, что знали, умели и могли мы, молодежи еще только предстояло освоить. Некоторые из «вновь прибывших» и вовсе вскоре поняли, что телевидение не для них, или они – не для телевидения. Потом я встречал их фамилии под материалами челябинских газет, во входящих тогда в информационный обиход пресс-релизах. Одна из известных челябинских журналисток, чьи материалы уже много лет с удовольствием читают южноуральцы, до сих пор при встречах выражает мне признательность за свое нетелевизионное счастье. А тогда она не то что ушла – убежала со студии, когда мои разносы на редакционных летучках превысили критическую массу ее терпения.

Из тех, кто пришел – и остался, не могу не назвать Ирину Коломейскую, с которой я проработал более десяти лет. И лишь потом осознал, что за ее интеллигентностью и мягкостью кроется «железная леди», умудрявшаяся доводить до конца все задуманное.

Мне везло на хороших людей, коллег. В одной команде со мной

Владимир Пенежин

были спокойная в любых ситуациях ассистент режиссера Наталья Гордиенко, понимавшая все режиссерские замыслы художник Люся Лисицкая, часто не согласная со мной, но скрупулезная в деле Наталья Булатова, ассистент ПТС Людмила Комякова, чей женский шарм, обаяние помогли в решении многих организационных вопросов.

Одной из наших совместных работ стала программа «Нет проблем», задуманная в начале девяностых, когда студия уже заматерела, распрощавшись с энтузиазмом и молодым задором. «Монстр» центрального телевидения поглощал все творческие задумки. Тем

не менее мы решили сделать нечто свое, оригинальное. За это я и люблю провинцию, что та же, казалось бы, форма, то же содержание здесь могут существовать в иной реализации. Ведь даже остро говорить о каких-то вещах можно без цинизма, но с иронией, шуткой. Да и людей, склонных к самоиронии, на периферии куда больше, чем в столице. В общем, мы хотели сделать программу с добрым, мягким юмором и со своим лицом. Впрочем, правильнее будет говорить не об одном лице, а о множестве ликов. В кадре у нас присутствовали и дельтапланеристы, и укротители тигров, и одаренные дети...

Для музыкального оформления привлекались ведущие челябинские коллективы: ансамбли «Ариэль», «Уральский диксиленд». Музыканты с удовольствием откликались на наши предложения. Да и разве могли отказаться те, кого я знал еще мальчишками, кому помогал делать первые телевизионные шаги за горизонт будущей популярности?! Блистательного трубача, ныне народного артиста России Игоря Бурко я впервые снимал в составе оркестра ЧТЗ еще в 1959 году, когда музыканту было всего пятнадцать... Сейчас Игорь «забронзовел». Не верите? Сходите на Кировку – там, напротив здания Законодательного собрания области, красуется барельеф

Слева направо Светлана Цвиловская, Леонид Пивер, Ирина Коломейская

Ольга и Виктор Лебедевы

трубача. Возможно, это единственный случай, когда российского джазового музыканта увековечили при жизни.

С особой теплотой я вспоминаю свой любимый коллектив – Государственный русский народный оркестр «Малахит». Работа с ними на телевидении была одним удовольствием. Показывая женщин, я чувствовал себя, словно на фотосессии.

А мужчины – даже балалаечники! – сплошь казались «мачо». Особая интонация отношений в коллективе была и остается заслугой Ольги и Виктора Лебедевых. Ольга Ивановна – «мать Тереза» оркестра! А Виктор Григорьевич – камертон! И я одно время имел честь быть солистом этого оркестра. Несмолкаемые аплодисменты, которыми я был награжден после выступления в программе, посвященной народной артистке СССР Клавдии Шульженко, звучат во мне до сих пор. Жаль, что я исчерпал свой репертуар...

Был у нас на программе и прекрасный ведущий – Владимир Пенежин, удивительный человек, блестяще знавший английский язык, причем не только в литературном варианте. Несмотря на официальный статус владельца первой в городе частной фирмы, занимавшейся переводами, у нас он работал безгонорарно.

Кроме собственного бизнеса, Владимир обладал низким тембральным голосом, разительно отличавшимся от скрипящего полутенора, заполонившего все видеосалоны того времени. Пенежину, вообще, было очень уютно в эфире. Вторым ведущим был Олег Плотников, обладавший огромным количеством музыкальных записей. Пользуясь грянувшей бесцензурностью, «Нет проблем» помогали массовому зрителю получить ту информацию, которой он был лишен прежде. Выходя за рамки «местной тематики», мы делали передачи о Фрэнке Синатре, об Элвисе Пресли, Лайзе Минелли, Барбре Стрейзанд.

Эксплуатируя лингвистические способности Пенежина, мы выдавали в эфир старые американские фильмы, которые не были дублированы на русский. Иногда без всякой репетиции Владимир приходил в студию, надевал наушники и сходу, практически безошибочно,

делал закадровый перевод... А когда Владимира до обидного рано не стало, его вдова выпустила сборник пенезинских стихов «Комета падала мне в сон», и мы поняли, что далеко не все знали об этом талантливейшем человеке...

Конечно, «Нет проблем» не могла обходиться без внутренних проблем. Но как вся творческая группа радовалась, когда удавалось придумать новую тему для программы, найти необычные съемочные места, показать интересных людей, хороших артистов!

К сожалению, передача не попала в число телевизионных долгожителей. И не потому, что разонравилась публике. Просто настали другие времена. Изменился формат местного вещания – оно стало более информационным, а потом – только информационным. Но зато новости на местном канале стали младшим братом новостей на центральном, и наша подача уже не уступала московской.

Канул в лету, безвозвратно ушел стиль телевизионного провинциализма. И, наверное, уже никогда не возродится тот дух, та изобретательность, та выдумка, с которыми мы делали свои передачи. Нет, они не были хуже московских. Просто были сделаны иначе. Поскольку у нас «рука, лежащая на пульте», была связана не с плечом – с сердцем.

НЕТ

Морис Равель

Клод Дебюсси

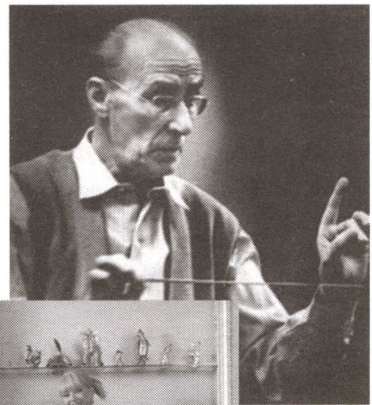
Виктор Лебедев

Николо Амати

Владимир Ошеров

Евгений Мравинский

Йозеф Гайдн

Натан Рахлин

Лариса Быстрицкая

Любимый автограф

Читатели постарше помнят, что в разгар гласности на центральном телевидении существовала передача, в которой популярные артисты, писатели, спортсмены рассказывали анекдоты. Шоу называлось «Клуб „Белый попугай“». Президентом клуба и главным рассказчиком был Юрий Никулин.

Своим знакомством с Юрием Владимировичем я обязан цирку. И, вероятно, это не случайно. Героиня Татьяны Дорониной в фильме «Старшая сестра» исполняет монолог со словами «Любите ли вы театр, как люблю его я?...». Так вот, с той же степенью искренности и убежденности я мог бы прочитать этот монолог, заменив «театр» на «цирк».

Мне казалось, что цирк в Челябинске существовал всегда. Я помню представления в деревянном здании неопределенного архитектурного стиля на площади Павших. Помню, как в начале семидесятых вконец обветшавшее деревянное строение было решено сжечь. Причем пожар использовали в профилактических целях: местные пожарные провели учения, которые запечатлела на пленку специально прибывшая из столицы съемочная группа. Возможно, познавательный документальный фильм до сих пор смотрят курсанты пожарно-технических специальностей. А иначе чем еще объяснить бурный рост профессионального мастерства огнеборцев!

Потом на исконном цирковом месте устанавливали шатер-шапито, а в конце семидесятых на улице Кирова появилось наконец похожее

на прикорнувшую летающую тарелку здание, известное сегодня каждому челябинцу и многим гостям города.

Я тоже был связан с цирком. Нет, не крутил сальто, не показывал фокусы. В цирке я работал по специальности: ставил прологи, предварявшие собственно выступления и придававшие всей программе торжественность.

Мне нравилось общаться с цирковыми. Среди цирковых царила совершенно особая дружба, особые взаимоотношения. В цирке так повелось: ухаживаешь – женись. И таких случаев было много: люди создавали семью, сообща готовили семейный номер. Потом в этот номер приходили их дети. Такова традиция. Потому что цирковые – особая социальная группа, в которой могут быть успешные и невезучие, бедные и богатые... Не может быть только антагонизма, театральной звездности. Там каждый номер – лучший для его исполнителя, вне зависимости от реального положения в цирковом рейтинге...

Впрочем, многие любят цирк, не погружаясь в его закулисы. И цирк того заслуживает. А челябинцы, заслужившие ярких зрелищ, уже предвкушали, какие артисты могут появиться в новом здании, казавшемся тогда просто сказочным. Первым директором «нового» цирка стал Николай Александрович Ярушев, с которым мы были знакомы с детства. Начиная Ярушев в труппе народного артиста Советского Союза Валентина Филатова. Филатовский аттракцион с дрессированными медведями объездил, кажется, весь мир. И всюду, куда бы ни забрасывала цирковая судьба, Ярушев делал свое дело: выносил то, что сами медведи вынести не могли. Ведь должен кто-то ухаживать за животными.

Начинающим артистом в труппу Филатова пришел и Юрий Никулин. У будущего короля смеха был незатейливый номер: он выходил из публики, садился на лошадь и... неловко падал. Хохот стоял невероятный! С тех пор и велось знакомство Юрия Владимировича и Николая Александровича. Каждый из них рос профессионально. Никулин стал не просто клоуном, а выдающимся артистом, которому удавались роли любого амплуа. А Коля Ярушев стал неплохим цирковым администратором.

И вот, когда строительство челябинского цирка было в стадии завершения, мне позвонил Николай:

– Приходи на обед. Будет Никулин.

Я сейчас понимаю, что позвал он меня для юмористической поддержки. Ведь уже тогда многие знали Никулина как блестящего

Юрий Никулин

рассказчика и собирателя анекдотов. А сам Коля рассказывать анекдоты не умел. Начиная веселую историю, хохотал до того, что забывал концовку. И, чтобы как-то поставить точку в загубленной напрочь миниатюре, резюмировал:

– Ну, в общем, все смеялись!

Конечно, я с радостью принял приглашение...

Обед, надо сказать, удался. И хотя я уже не помню его кулинарную составляющую, атмосфера и настроение остаются в памяти до сих пор. Три часа мы просидели за столом. Юрий Владимирович рассказывал анекдоты, и я рассказывал. Никулин смеялся и, отдышавшись, просил:

– Подожди, я запишу.

И торопливо набрасывал в тетрадку анекдоты, которые я узнал когда-то от отца, а отец, наверное, от своего отца... В общем, я выдавал юмор, проверенный десятилетиями.

Как раз недавно у Юрия Владимировича вышла книга «Почти серьезно» – солидный том, где описывалась непростая жизнь выдающегося артиста. И во время этой нашей встречи, вдоволь насмеявшись, Юрий Владимирович стал вдруг необычайно серьезным:

– Знаешь, Лёня, я тебе кое-что подарю...

Достал свою книгу и сделал дарственную надпись.

Расстались мы хорошо. Тогда я еще не знал, что эта встреча последняя.

Когда, спустя совсем немного времени, Юрия Владимировича не стало, я как раз был в столице, где готовил культурную программу дней Челябинской области в Москве. Вести концерт предстояло Александру Константиновичу Сергееву, возглавлявшему в ту пору челябинский цирк. Он был близко знаком с великим Никулиным и пригласил меня на вечер памяти, который родные, друзья, коллеги устроили на девятый день с момента ухода Юрия Владимировича. Атмосфера вечера была необыкновенной. В зале были герои Советского Союза, ветераны войны, именитые гости. Фойе было

Александр Сергеев

Лёне Пивер
самые добрые пожелания
от автора
этой книги.

Юзефус

19.07.79.

2 Челябинск

оставлено столами, на которых стояли фронтовые сто грамм... Было много воспоминаний, на манеже выступали звезды отечественной эстрады, театра, цирка.

Я слушал, смотрел и думал: есть много людей, которые, особо не утруждаясь, превращают нашу жизнь в сплошные будни. И очень мало тех, которые способны устроить праздник жизни. Одним из таких людей и был Юрий Никулин.

И когда на душе становится грустно, а с годами такое происходит все чаще, я беру никулинскую книгу, открываю на первой странице и долго смотрю на любимый автограф.

С Эдитой Пьехой

«Шли бы в карале»...

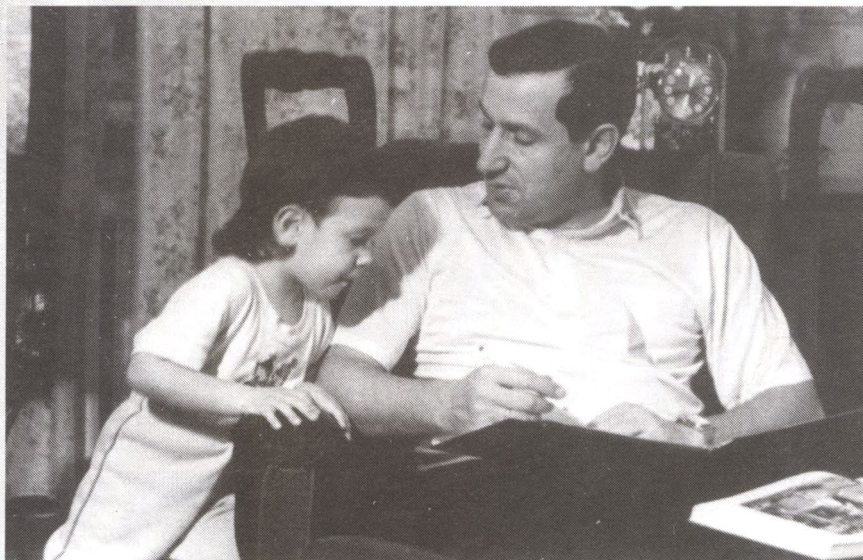
Если бы о том, о чем хочется рассказать здесь, довелось снимать фильм, он бы выглядел, наверное, так. В кадре – ваучеры, акции, биржи... Так сказать, обозначение времени действия. Чтобы время стало эпохой, можно показать крупным планом портреты Б. Ельцина, Е. Гайдара, А. Собчака... Главного «приватизатора» не покажем, дабы не раздражать зрителя.

Это, так сказать, базис.

Но надстройка тоже жива! Поэтому далее следуют сцены капустника, который я веду в челябинском Доме актера. Тут можно дать крупным планом директоров Дома – Розу Захаровну Орлову и Валентину Ивановну Забару, благодаря энергии которых и затевалось большинство актерских собраний.

Часто гостями Дома актеров были друзья театра. Это было то место, куда приходила творческая интеллигенция города. Артисты приглашали своих знакомых, чтобы пообщаться в необычной творческой обстановке. Главным в «меню» этих вечеров были актерские капустники, где свободные от режиссерской тирании артисты давали волю своей фантазии, чувству юмора и эрудиции. Иногда роли, которые они исполняли в капустниках, раскрывали их возможности и талант с совершенно неожиданной стороны. С той стороны, которая была абсолютно незнакома зрителям и руководству театра. Трудно свободной птице петь в клетке. Ведь творчество – это свобода!

Большую помощь в организации веселых вечеров оказывали представители советской армии в лице майора Владимира Ошорова, руко-

Григорий Фишер с сыном Михаилом

водителя духового оркестра военной музыки Челябинского высшего танкового училища. Владимир прекрасно играл на фортепьяно, импровизировал... Но не это увлечение майора впоследствии стало причиной закрытия танкового училища.

Часто наряду с капустниками устраивались творческие вечера отдельных исполнителей. Даже на маленькой сцене Дома актера умудрялись демонстрировать свое мастерство артисты балета, а уж артистам драматических театров и вокалистам творить вообще ничто не мешало.

Итак, на сцене – солист оперного театра. Теперь крупный план – в кадре двое. Он – молодой мужчина, рядом – похожий на него мальчик. Судя по всему – отец с сыном. И папаша все время что-то объясняет чаду.

– Что тут можно объяснять?... – думаю я. – Рассказывать, о чем песня? Но солист поет на русском.

Я хотел сделать гостю замечание, но романс закончился, и с последней нотой умолк наш гость. Видимо, все, что он хотел объяснить сыну, было сказано.

Тут – затемнение и переход на городские реалии. Улицы, скверы... На доме горит реклама: «Фишер». Чтобы зритель не подумал, будто речь идет об американском гроссмейстере, даю титр:

– Григорий Фишер, бизнесмен, финансист, обладатель свидетель-

ства № 1 на право занятия предпринимательской деятельностью в Челябинской области.

И – «Конец первой серии»...

Вторую серию можно не снимать – она уже существует. Потому что вскоре после трагической гибели Григория Фишера ко мне обратились его сыновья с просьбой сделать фильм об отце.

Я ездил по местам, связанным с деятельностью Григория Аркадьевича, беседовал со знавшими его людьми. Губернатор, деловые партнеры, ученики совершенно искренне говорили о герое фильма только хорошее. Это были годы, когда начиналась новая экономика, когда многие не выстояли под напором открывшихся возможностей. Не каждый встававший на коммерческую стезю обладал необходимым талантом, а у Григория Аркадьевича это было заложено генетически, поэтому часто к нему обращались за советом. Насколько я понимаю, помогал и советовал он с удовольствием.

И все: друзья, знакомые, – рассказывая о своем общении с бизнесменом, неизменно вспоминали о том, как он пел песню про блоху. Некоторые, никогда не слышавшие знаменитого шаляпинского исполнения, знали шедевр М. П. Мусоргского лишь «в обработке» Г. Фишера.

К сожалению, я не был знаком с Григорием Аркадьевичем, иначе «Блоха» в его исполнении была бы представлена широким зрительским массам...

...Готовя фильм, я просмотрел огромное количество видеоматериалов, полученных от родных предпринимателя. Но вот что показалось интересным: на каждом из запечатленных застолий хозяин непременно поднимал тост:

– За вас, друзья!

Потом собравшиеся пели. Солировал хозяин, бывший обладателем прекрасного голоса. И, просматривая очередную кассету, я услышал:

– «Жил был король когда-то»...

Вот тут я и вспомнил Дом актера, певца и папу с сыном...

– Это был Григорий Фишер! – осенило меня.

Мне ли не знать, что любому мало-мальски поющему человеку кажется, будто другие поют как-то не так. Даже если среди других – Паваротти.

– Григорий объяснял ребенку, как бы спел он! – догадался я.

К сожалению, услышать это исполнение уже никому не удастся.

А мне очень жаль, что у нас в городе так мало бизнесменов, разбирающихся в классической музыке.

Свет ученья

Сажу дома, зализываю раны, воюю с болячками, ругаюсь с внуком, которого безумно люблю... И вдруг получаю приглашение на кафедру телерадиожурналистики Южно-Уральского государственного университета, которая была создана моими коллегами – журналистом Людмилой Шестеркиной и оператором Сергеем Гордиенко. А с Сергеем я всегда работал с удовольствием. Да и Людмила Петровна была журналистом известным, популярным, много лет являясь собственным корреспондентом канала «Россия». И я с удовольствием согласился. Потому что мне всегда нравилось начинать новое дело.

Я рад, что спустя несколько лет кафедра сформировалась как настоящая кузница журналистских кадров, Людмила Петровна стала профессором, и ее студенты регулярно побеждают на многочисленных конкурсах, трудятся в челябинских и московских СМИ.

А тогда все были в начале пути. Моим «научным багажом» был телевизионный режиссерский опыт. Я даже не был в чистом виде преподавателем.

– Ребята, – обращался я к студентам. – То, что я говорю, не конспектируйте ни в коем случае – у вас будут неприятности! Я у вас работаю «вирусом», «заражая» профессией, которую очень люблю. И должен сказать, что вам со мной повезло: это первый набор, первый курс. (В некоторых взглядах я читал: «Дядечка-то не очень скромный...»)

– Я здесь не потому, что очень умный, – продолжал я. – Дело в том,

*Сергей Гордиенко
и Людмила Шестёркина*

что я долго живу. На моих глазах начинались и заканчивались телевизионные карьеры, и я могу точно сказать, чего в ремесле делать не надо. А что надо – зависит от вас самих.

На первую встречу студенты пришли с родителями, и я рассказывал собравшимся о том, что профессия тележурналиста – это очень серьезно.

– От вашего слова будет зави-

сеть судьба и даже жизнь человека!

Потом задавали вопросы родители. Неожиданно встала мама одной студентки:

– Леонид Григорьевич, скажите, компьютер для дочери надо покупать сейчас или на старших курсах?

– Ничего себе вопросик, – подумал я. – Тут сидят студенты, судя по одежде, дети не очень богатых людей...

И решил пристыдить мамашу:

– Дорогие друзья! – обратился к аудитории. – У кого есть компьютер?

И увидел, как вся группа подняла руки...

Тут уже стыдно стало мне. Я почувствовал, что пересидел дома и новая волна научно-технической революции прошла стороной. Начал наверстывать упущенное. Теперь прислушиваюсь к своим болезням, но отвлекает от этого меня интернет. Раньше, почувствовав недомогание, хватался за таблетки, сейчас – включаю компьютер и во всемирной паутине смотрю все, чего не хватало прежде. К примеру, у нас не показывали старые американские мюзиклы. А я их очень люблю. И не считаю это непатриотичным.

Еще я люблю смотреть в интернете черно-белое кино эпохи его расцвета. Тогда в киноиндустрию пришли настоящие литераторы, драматурги, режиссеры. Теперь я понимаю, сколь многое наши кинематографисты заимствовали у великих мастеров.

Но, возвращаясь к периоду своей преподавательской деятельности, могу сказать: приятно, что я как-то повлиял на профессиональную ориентацию студентов. Я водил их по театрам, по музеям, благо, повсюду там были люди, которых я знал с детства. И ребята, запро-

сто общаясь с заслуженными, народными артистами, известными художниками и даже с высокими чиновниками, осознавали, как важно быть любопытными.

Лишь недалекий человек полагает, что любопытство – это порок.

Со студентами второго набора кафедры «Телевидения и радиовещания» ЮУрГУ. Челябинск, 2004. Фотограф Леонид Пильников

ТНТ

Рука на пульсе

Раньше это было газетным штампом: врач, держащий руку на пульсе, спасает чью-то жизнь. Человек, который держит руку на режиссерском пульте, возможно, никого не спасает. Но задача у него почти медицинская – не навредить. Не навредить зрителю.

Я чувствовал это всегда. И всю жизнь наблюдал, размышлял, оценивал, пытался впитывать все лучшее.

Я до сих пор люблю повторять:

– Образование – замечательно, но не мешало бы еще иметь воображение.

Мне довелось работать на телевидении тогда, когда не хватало технических средств. И приходилось что-то изобретать, чтобы передачи получались более выразительными, эффектными, зрелищными. Чтобы, в конце концов, не было ощущения этого проклятого провинциализма. Не в средствах дело – в желании. И я убедился в этом, когда уже работал главным режиссером.

...Вот врывается молодой коллега, наполняя кабинет гамлетовскими интонациями:

– Как работать, Леонид Григорьевич? Машину выделяют на час, денег не дают, пленки нет...

И в глазах просителя читается убежденность:

– Будет всё – сниму шедевр!

И однажды я пошел на должностное «преступление»: подписал всё, что просили. Денег дали столько, что по тем меркам, как мне

казалось, можно было «Звездные войны» поставить. Конечно, я рисковал. Но даже если бы меня уволили, душу бы грела мысль о причастности к созданию телевизионного шедевра.

Однако как только проситель почувствовал, что его мечты близки к осуществлению, он из Гамлета превратился в Обломова. Взгляд потух, настрой пропал... А с ним пропали и мои мечты о создании шедевра. Значит, главное не деньги, не пленка – голова...

Телевидение – удивительная вещь. Крупный план – что-то невероятное: можно передать оттенки чувств, эмоций. Сколько прекрасных лиц обнаруживаешь в зале, «выдавая» музыкальные программы. Обычно одну камеру я ставил специально для работы на зал. Работаешь, музыка льется и шепчет:

– Так, покажи вот это!.. Покажи... Нет, эту не надо... Вот. Стоп!

Конечно, для такой работы надо немножечко знать музыку. И ведь столько прекрасных лиц на Руси!..

Вот звучит «Я люблю вас...», и ты находишь в зале то самое лицо – как единственного адресата любовного послания, словно создавая зримый образ волшебной музыки. Возможно, на улице такое лицо и не заметишь, но музыка, талант исполнителя преображают его. А чтобы выбрать лицо, нужно лица любить, без любви к лицам в эту профессию (впрочем, как и в любую творческую профессию) идти нельзя.

Вкус вообще категория особая. Говорят, что научить хорошему вкусу невозможно, можно лишь приучить человека к хорошим вещам. Я убежден: вкус достается от папы с мамой. Его надо формировать с детства, потом будет поздно. Все, что в ребенка вливают, как в кувшин, обязательно вернется сторицей. А если ничего не налито, то, как ни крути, ничего и не потечет: ни мысли, ни вкус, ни любовь к людям. Любить человека – не только название популярного когда-то фильма нашего земляка С. Герасимова, – это первейшая составляющая профессии.

А еще для долгого существования в профессии режиссера необходим двойной, тройной запас нервных клеток.

– Нервные клетки не восстанавливаются, – часто слышал я, когда шумел, кричал, переживал по поводу того, что кто-то из команды плохо делал свое дело.

И клетки, действительно, не восстанавливались, когда мне говорили: «Слушай, ты что, как тебе не стыдно...»

Но каждый раз, когда я слышал: «Старик, вчера смотрел – здорово...» – происходило очередное «обыкновенное чудо»...

Клетки восстанавливались, как грибы после дождя. Даже лишние оставались. И, не зная, куда девать излишек, я снова нервничал.

Мурашки должны бегать, мурашки.

Я не знаю, успели ли студенты законспектировать профессиональные заповеди режиссера с полувековым стажем. Если нет, у них остается шанс поучиться у жизни. Они еще так молоды!

P. S. Вчера над нашим городом ПРОЛЕТЕЛ метеорит...
Будем жить дальше!

Об авторе

Пивер Леонид Григорьевич (р. 4.01.1927, г. Артемовск Донецкой обл.), телеоператор, режиссер, отличник телевидения и радиовещания (1983), член СЖ СССР (1974), заслуженный работник культуры РФ (1997), лауреат фестиваля молодежи и студентов в Берлине (1974). На Челябинском телевидении проработал 37 лет (1958). Прошел путь от телеоператора до режиссера высшей категории, главного режиссера. Десятки передач, подготовленных Л.Г. Пивером, транслировались по Центральному телевидению: «Алло, мы ищем таланты!», «Наш адрес – Советский Союз» и др. Некоторые программы Пивера стали прообразом всесоюзных, среди них телевизионный фестиваль молодых исполнителей «Юность комсомольская моя» (1983) и телеконкурс исполнителей советской песни с таким же названием (1984), развлекательная передача «Есть ли в вашей семье Шерлок Холмс?» (1983), «Звезды XXI века», а также «Дорогие мои земляки» и «Автограф». Благодаря последней челябинцы имели возможность познакомиться ближе с известными артистами, певцами, деятелями культуры из Челябинска и других городов.

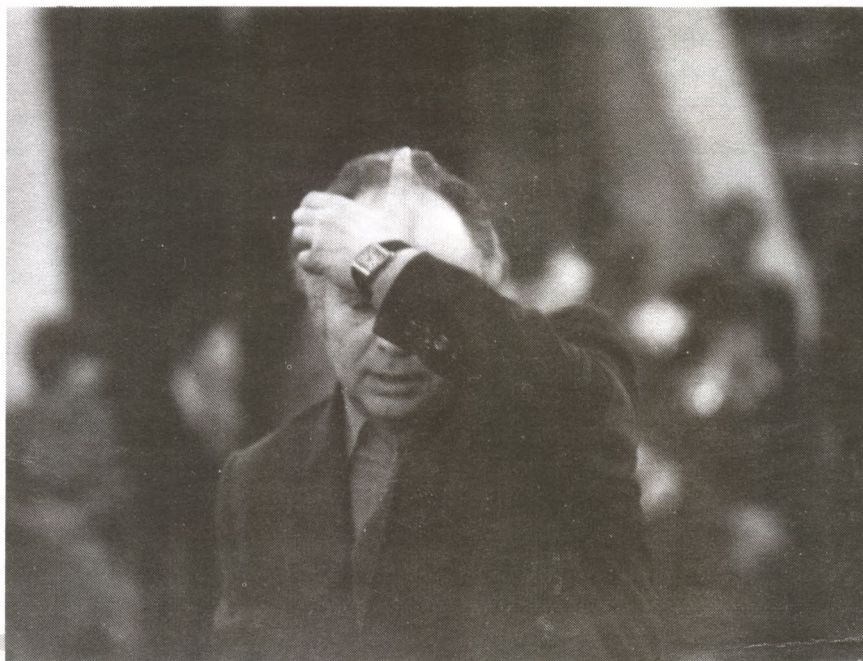
Л.Г. Пивер активно участвует в общественной жизни города, являясь режиссером-постановщиком больших городских праздников, театрализованных вечеров и фестивалей, артистических капустников.

Награжден нагрудным знаком Министерства культуры СССР «За отличную работу», Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

От автора

Я хочу поблагодарить основных вдохновителей и помощников: Владимира Рубана, Анатолия и Ирину Коломейских, Владимира Потемкина, Александра Нахтигала, Валентину и Марию Пивер, Маргариту Вегерт и Наталью Куликову.

Леонид Пивер

Всё ли я вспомнил?..

Из интервью
с Еленой
Камбураевой

– Во время съемки на челябинском телевидении режиссер Леонид Пивер обратился к нам с такой фразой: «Дорогие зрители, включайте интеллект, актриса выходит...» А приходилось ли вам сталкиваться с такой ситуацией, когда на ваш концерт приходили люди, которые «не включали свой интеллект»?

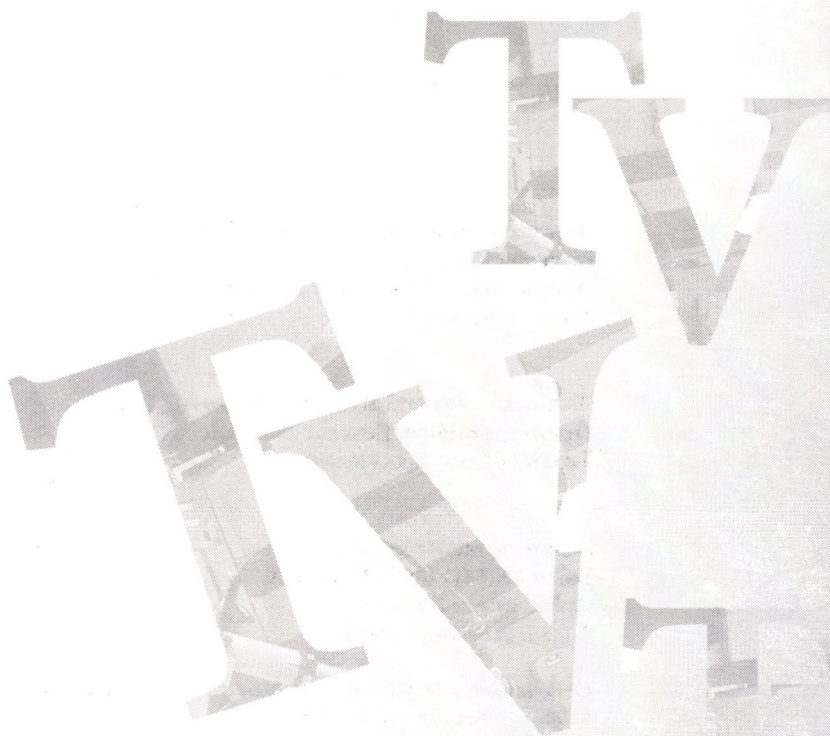

– Вся моя долгая биография, жизнь на сцене изобилует такими встречами. С самого начала я поняла, что есть моя и не моя аудитория, к сожалению, это так, сколько бы меня ни убеждали мои начальники в том, что всегда виноват артист, что если его не понимают, он что-то не так делает, что искусство принадлежит народу и т.д. Я видела, что абсолютно одна и та же программа для кого-то праздник души, я не боюсь этой фразы, а для кого-то пустой звук, абсолютно пустой. <...>

– Ваши отношения с телевидением тоже не очень просты. Вы предпочли вообще не сниматься, чем быть снятой плохо. Но в нынешний приезд согласились работать с нашим телережиссером Леонидом Пивером.

– Уже сколько раз мы с моими музыкантами бывали на различных телевидениях, и нас там снимали, а потом мы смотрели и ужасались. А Леонид Пивер, может быть, даже единственный в стране человек, который на меня произвел впечатление. Я не помню, в каком году впервые произошла наша встреча, но меня поразила атмосфера в студии, отснятый материал. Это было сделано очень бережно, с пониманием. У меня действительно огромное чувство благодарности к этому человеку. И когда мне сказали, что будет снимать Пивер, я сразу же согласилась.

Журналист – Г. Абакумова

Издание книг, подарочных альбомов,
презентационных буклетов и другой
полиграфической продукции.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГОРЯ РОЗИНА
Тел.: (351) 266 80 70, 8 904 812 18 07

Леонид
ПИВЕР

Воспоминания
Провинциального
Телевизионщика

Ответственный редактор *Андрей Янин*
Редактор *Илона Устьянцева*
Оформление – *Владислав Кугаевский*
Корректор *Анна Ясенева*

Подписано в печать 18.06.2013 Формат 70х90/16
Гарнитура Minion. Печать офсетная
Тираж 500 экз. Заказ № 569.

Издательство Игоря Розина
Тел.: +79048121807, (351) 2668070
Сайт: www.zenon74.ru
E-mail: isrozin@yandex.ru

Отпечатано в ООО «Полиграфкомбинат «Зауралье»,
640022, г. Курган, ул. К. Маркса, 106
E-mail: zpress@pkzaural.ru

замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
18	5-я сверху	циркульную	циркулярную
102	14-я снизу	Гагарий	Гагарин

Из интервью с Еленой Камбуровой

– Ваши отношения с телевидением не очень просты. Вы предпочли вообще не сниматься, чем быть снятой плохо. Но в нынешний приезд в Челябинск согласились работать с нашим телережиссером Леонидом Пивером.

– Уже сколько раз мы с моими музыкантами бывали на различных телевидениях, и нас там снимали, а потом мы смотрели и ужасались. А Леонид Пивер, может быть, даже единственный в стране человек, который на меня произвел впечатление. Я не помню, в каком году впервые произошла наша встреча, но меня поразила атмосфера в студии, отснятый материал. Это было сделано очень бережно, с пониманием. У меня действительно огромное чувство благодарности к этому человеку. И когда мне сказали, что будет снимать Пивер, я сразу же согласилась.

ПИВЕР
Леонид

Воспоминания
Провинциального
Телевизионщика

Издательство Игоря Розина

ISBN: 978-5-903966-30-1

9 785903 966301